

Круглый стол в редакции

Министерством экономического развития в канун Нового года был опубликован проект «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.»¹, который авторами назван «Инновационная Россия-2020».

По понятным причинам документ вызвал значительный интерес экспертного сообщества и достаточно широко обсуждался в различных организациях, объединениях и СМИ.

Редакция журнала «Инновации», в свою очередь, обратилась к ряду известных специалистов в области инновационной экономики и менеджмента инноваций с предложением провести обсуждение Стратегии в режиме заочного круглого стола в редакции.

Ниже представлены материалы состоявшегося обсуждения.

Редакция готова предоставить возможность опубликовать свою точку зрения и авторам обсуждаемого документа.

Редакция журнала «Инновации»

Бумажный тигр (о проекте МЭР «Инновационная Россия-2020»)

Н. И. Иванова,
*зам. директора Института мировой
экономики и международных отношений РАН,
член-корреспондент РАН, профессор, доктор
экономических наук*

Представленная стратегия — в целом шаг вперед по сравнению с предыдущими документами, однако это скорее аналитическая записка, отражающая авторское понимание современной ситуации и возможных перспектив, чем стратегия в истинном значении этого слова. Ясно, что требуется коренная ее доработка и в отношении корректировки целей и задач (многие из которых фактически воспроизводят невыполненные задачи предыдущих стратегий без анализа причин провалов) и в отношении ресурсов и инструментов инновационной политики, использование которых может дать существенные результаты. Пока соотношение целей и способов их достижения должным образом не продумано и не прописано.

В этом отношении данная стратегия мало чем отличается от большинства аналогичных документов. По оценке А. Л. Кудрина, озвученной 22 февраля 2011 г. на Красноярском экономическом форуме: «Сейчас у нас действуют 193 стратегических документа и концепции, принятых правительством или президентом. Еще 83 находятся в разработке по поручениям и решениям, которые приняты правительством или

президентом. 30 готовятся к разработке, но они уже сейчас не сбалансированы. Их цели, задачи и ресурсы не сбалансированы»².

Добавление еще одной стратегии, декларирующей амбициозные цели, не подкрепленные ни реалистичной оценкой обстановки, ни ясными целями, ни инструментами их достижения — это появление еще одного неработающего документа, который при должном пиаре можно превратить как максимум в бумажного тигра. Но превратить на его основе страну в новый «индустриальный тигр», как это было сделано многими странами в новейшей истории мировой экономики, не удастся.

Вот только два примера из «Инновационной России-2020». Сравнение целевых показателей действующей сейчас Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 г. с фактическими показателями за 2005–2010 гг., выполненное в приложении 3, свидетельствует о том, что предусматривалось повысить показатель доли затрат на ИР к ВВП до 2% в 2010 г. Фактически этот показатель уменьшился за 2005–2008 гг. с 1,07 до 1,04%, а затем

¹ Текст проекта доступен по ссылке: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016.

² Цит. по стенограмме, опубликованной <http://www.echo.msk.ru/blog/echomsk/751371-echo>.

немного увеличился в 2009–2010 гг. (при сокращении ВВП), и по оценкам, возможно, достиг 1,32%. Это, во-первых, существенно меньше стратегических ориентиров, во-вторых, этот рост обеспечен исключительно бюджетными программами, и, в-третьих, перспективы дальнейшего роста бюджетного финансирования сейчас значительно хуже, чем в первой половине 2000-х гг. Целевой показатель 2020 г. — 2,5–3%, из которых больше половины, по мысли авторов проекта, — за счет частного сектора. Напомню, что сейчас действует другая тенденция — доля частного финансирования сокращается и совершенно не ясно, при каких условиях она будет расти (например, один из обсуждаемых экспертами вариантов — «принуждение к инновациям» госкорпораций, т.е. административные решения, обязывающие финансировать программы научных исследований, в проекте Стратегии не упомянут).

Еще один целевой показатель — увеличить долю российских публикаций в общемировом потоке научной литературы с 2,48% в 2008 г. до 5% в 2020 г. В данном случае мы также наблюдаем в последние 10 лет постепенное снижение этого показателя. И дело здесь не только в публикационной активности российских ученых. В этот период снизилась доля всех развитых стран в глобальных публикациях, поскольку резко возросло число статей ученых из Китая и Индии. И по всем прогнозам доля этих двух стран будет продолжать расти, а всех остальных — снижаться. Для того, чтобы увеличить вдвое долю российских публикаций надо как минимум в четыре – пять раз повысить число статей в ближайшие 5–6 лет. Это мало реально с учетом продолжения тенденций сокращения численности научных кадров и нестабильности финансирования. К этим фантазиям можно добавить и целевой индикатор стратегии — число патентов, регистрируемых российскими заявителями в мировой патентной триаде (ЕС, США, Япония) увеличить с 63 в 2008 г. до 2,5–3 тысяч к 2020 г.

Кроме целевых показателей, в проекте Стратегии обозначены и три качественных варианта развития: инерционный, догоняющий и лидирующий. Все они сразу признаны авторами нереалистичными. Выбор — в пользу смешанного варианта, сочетающего элементы лидерства в отдельных сегментах и догоняющую стратегию в большинстве отраслей. По-моему, это и есть инерционный вариант, поскольку у нас по-прежнему есть некоторое, небольшое число высоко конкурентных отраслей, компаний и производств, а большая часть экономики держится либо на старом оборудовании, либо покупает по импорту то, что может себе позволить. Что нового предлагают авторы?

Ключевым вопросом инновационной стратегии России является вопрос об эффективности применяемых мер регулирования, нацеленности законопроектов, фактически реализуемых программ и намечаемых к выполнению стратегий реальным вызовам нашего времени. Не менее важными являются проблемы соотношения мер прямого регулирования, прежде всего в форме бюджетных субсидий, и системы стимулов, создающих благоприятные условия для деятельности предпринимателей, реализующих сложные высокорискованные инвестиционные проекты. По-моему, именно здесь — ключевая проблема, главное звено. Предлагаемые авторами виды регулирования и меры инновационной политики создают впечатление, что этот набор является полным и всеобъемлющим. Структурно он покрывает все направления выработанных мировой практикой рекомендаций в этой области. Однако более тщательный анализ содержания каждой из предложенных или реализуемых мер показывает, что большинство из них включает слишком большой компонент государственной поддержки в форме субсидий или государственного заказа, чрезмерный вес придется отбору государственных приоритетов и федеральным программам, обеспечивающим их реализацию. Результативность этих инструментов нам хорошо известна, они не изменят современной ситуации.

Одно из самых узких мест современной российской инновационной политики — отсутствие мониторинга и оценки результатов принятых решений, законов, стратегий. Анализ реальных изменений в экономике, ставших следствием государственного вмешательства, должен стать основой определения правильности действий и внесения соответствующих корректировок в программы, нацеленные на позитивные изменения в будущем.

Итак, основные недостатки проекта:

- большое число направлений и приоритетных задач инновационной политики, которое не сопровождается конкретными реалистичными мерами реализации, слабая проработка отдельных мероприятий;
- небольшой удельный вес таких мер общего характера, как налоговое регулирование, конкурентная и антимонопольная политика;
- стратегия пока не имеет системного характера, она не различает мероприятия научной, технологической и собственно инновационной политики, которые требуют разных инструментов и разных государственных решений;
- проект не предусматривает использования результатов мониторинга, анализа и оценки отдельных мероприятий политики для коррекции стратегии и тактики инновационного развития страны.

О проекте Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.

Л. Э. Миндели,
*директор Института проблем развития науки РАН,
доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации,
лауреат Премии Правительства Российской Федерации,
действительный член РИА, действительный член РАЕН*

Министерство экономического развития РФ представило проект Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. «Инновационная Россия-2020» (далее — проект Стратегии). Минэкономразвития предполагает его широкое обсуждение, в том числе в Государственной Думе.

Основной акцент в проекте Стратегии сделан на формировании человеческого капитала, необходимого для инновационного развития. Ключевыми задачей при этом является достижение резкого повышения инновационной активности бизнеса как в направлении модернизации технологических процессов, так и вывода на рынок принципиально новых продуктов, конкурентоспособных на мировом рынке. Предполагается ликвидировать невосприимчивость бизнеса к инновациям, низкий приоритет инновационной деятельности в стратегиях развития частных компаний. Такая ситуация на сегодняшний день, как справедливо отмечается, приводит к тому, что сектор генерации знаний и созданная инновационная инфраструктура фактически работают сами на себя, либо в интересах зарубежных компаний, коммерциализирующих российские разработки. Без повышения восприимчивости экономики к инновациям инвестиции в остальные звенья национальной инновационной системы будут характеризоваться низкой отдачей. В проекте Стратегии впервые на государственном уровне заявлено о необходимости создания в России инновационной среды, что очень верно, поскольку предполагаемыми ранее точечными ударами невозможно привить обществу интерес к инновациям.

Однако, к сожалению, внимательный анализ документа приводит к выводу о том, что его реализация вряд ли приведет к достижению означенных целей, если это вообще предполагалось авторами.

Раздел I проекта Стратегии («констатирующая» часть), в котором дается современная картина отечественной научно-инновационной сферы, представляет собою, по моему мнению, наиболее сильную часть анализируемого документа — здесь достаточно убедительно показывается необходимость перехода экономики на инновационную социально-ориентированную модель развития и изменения в лучшую сторону «неинновационного характера» государства. Правда,

остается ощущение, что авторы не успели до конца согласовать свои позиции, касающихся используемых статистических данных. Например, в разделах I и II приводятся различные величины одного и того же показателя (величины удельного веса экспорта высокотехнологичных товаров на страницах 12 и 17 и инновационной активности на страницах 5, 11 и 17). В ряде случаев динамика финансовых показателей приводится в текущих ценах (стр. 7, 65), то есть без учета влияния инфляции, что искажает реальное положение. Подобные оплошности в документах такого уровня вызывают недоумение.

Приведенные авторами данные относительно затрат на инновации в промышленности (стр. 11), баланса платежей за технологии (стр. 9) и развития вузовского сектора (стр. 13) также требуют существенного уточнения.

При знакомстве с разделами II–XI («постановляющая» часть) можно сделать вывод, что авторы документа придерживаются идеи догоняющего развития России на основе импорта из-за рубежа не только технологий, но и механизмов обеспечения инновационной деятельности. Такой подход вызывает сомнения, ибо нельзя игнорировать отечественные реалии и опыт, переносить зарубежные технологии и механизмы на отечественную почву лишь с учетом конъюнктурных интересов.

Авторы практически не отводят места фундаментальной науке в инновационном развитии и считают необходимым перенос центра тяжести фундаментальных исследований в образовательные структуры, не обладающие пока необходимой для этого научной базой и, что более важно, научными школами (которые, как известно, составляют основу научно-исследовательской деятельности и формируются десятилетиями).

В документе практически ничего не говорится о законодательно закрепленных за Российской академией наук системообразующих и координационных функциях по проведению фундаментальных исследований. Зато отмечается, что важнейшим направлением реализации Стратегии будет продолжение программы создания сети исследовательских университетов, которые должны стать ядром нового интегрированного научно-образовательного комплекса, обеспечивающего как подготовку кадров, так в выполнении значительной

доли фундаментальных и прикладных исследований. Завершение формирования основного ядра этого комплекса предполагается в 2015–2016 гг. (стр. 64).

Согласно проекту Стратегии, финансирование фундаментальных исследований будет сконцентрировано на работах, осуществляемых научными коллективами, характеризующимися глобальной конкурентоспособностью. Осуществляться это будет путем увеличения в первую очередь доли средств, выделяемых на фундаментальные и гуманитарные исследования, распределяемые на конкурсной основе через Российский фонд фундаментальных исследований, Российский гуманитарный научный фонд и новые дополнительные фонды, созданные по модели РФФИ и РГНФ. В анализируемом документе достаточно подробно расписан предлагаемый механизм грантового финансирования. Но о Программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2008–2012 гг., которая предполагает программно-целевое бюджетное финансирование, сказано лишь вскользь (стр. 69–70, 88).

С моей точки зрения, такой подход означает не что иное как движение к американской модели финансирования науки. Данная система отвечает традиционным принципам американцев, уважающих инициативных, энергичных и смелых предпринимателей, в том числе в научно-исследовательской сфере. У нас другой менталитет. А потому, в российских условиях необходимо нахождение оптимального баланса между различными формами финансирования, поскольку каждый вид поддержки имеет конкретное предназначение. Сметное финансирование необходимо для поддержки материальной базы научных организаций и вузов, обеспечения базового уровня зарплаты в организациях государственного сектора науки. Грантовое финансирование оптимально при поддержке поисковых и инициативных фундаментальных исследований.

Игнорирование авторами роли академической науки в инновационном развитии наводит на мысль о том, что их скрытая цель заключается в обосновании перевода финансовых потоков в образовательные и исследовательские центры, подконтрольные правительству. Как известно, государственные академии наук к таким «дочерним» структурам не относятся.

Любое финансирование, за исключением благотворительности, подразумевает достижение той или иной степени эффективности функционирования финансируемого объекта. Вместе с тем, посчитать прямую отдачу, а значит, и оценить эффективность денежных затрат в научно-исследовательской сфере традиционными экономическими методами крайне затруднительно. Во многом по этой причине, пока не выработаны единые подходы к оценке эффективности науки, прежде всего, фундаментальной. В этой связи следует отметить, что получившая в последнее время распространение международная система оценки научных публикаций и цитирования отдает приоритет англоязычным рецензируемым журналам, что негативно отражается на показателях, относящихся к российской научной периодике. Кроме того, не принимаются во внимание такие виды изданий, как монографии, статьи в сборниках, тезисы докладов и т. п. Не стоит также

забывать, что и в условиях глобализации российские исследователи должны работать, прежде всего, на свою страну, а не на англоязычные журналы при всем уважении к ним. Поэтому представляется не совсем корректным предложение авторов проекта Стратегии об использовании показателя удельного веса России в общемировом числе публикаций в качестве главного целевого индикатора реализации задачи «структурной модернизации сектора генерации знаний» — к 2020 г. этот показатель планируется довести до 5% (в 2010 г., как указывают авторы — 2,28%) (стр. 65).

Еще несколько слов о проблеме финансирования. Абсолютная величина внутренних затрат на исследования и разработки в России в 15 раз ниже, чем в США, в 5,7 раза — чем в Японии, в 3 раза — чем в Германии. Внутренние затраты на исследования и разработки в расчете на одного исследователя в России в 5–7 раз меньше, чем в развитых странах. В целях преодоления сложившегося разрыва в проекте Стратегии (раздел II, стр. 17) планируется к 2020 г. увеличение внутренних затрат на исследования и разработки до 2,5–3% ВВП, из них больше половины — за счет частного сектора. В разделе XI на странице 89 указывается менее оптимистичный показатель — 2,4%, что опять же свидетельствует о некоторой несогласованности авторов. Следует признать, что при сохранении современной динамики финансирования достижение этих «высот» представляется проблематичным. В 2009 г. внутренние затраты на исследования и разработки в России по оценке ИПРАН составляли 1,24% ВВП.

Раздел VI, посвященный науке, фактически лишен стратегического содержания и представляет собой смесь прописных истин о необходимости улучшения ресурсного обеспечения исследований и выражения заинтересованности определенных сил в ослаблении позиций академического сектора науки. Игнорируется, как уже отмечалось, роль науки, в том числе фундаментальной, как специфического интегратора российской инновационной системы. С моей точки зрения, стратегический подход к инновационному развитию диктует рассмотрение науки не только в качестве непосредственного источника технологических нововведений, но и как мощного генератора культурного (интеллектуального) слоя, необходимого для перехода к инновационному обществу. Перспективы вклада научной сферы в инновационные процессы следует определять во всем многообразии ее воздействий на личность, социум и власть.

Международный аспект документа (раздел VIII) по существу сведен к активизации технологического обмена и традиционных форм научно-технического сотрудничества. Между тем, с моей точки зрения, стратегия участия в международной инновационной кооперации должна включать, по крайней мере, ответы на два важнейших вопроса. Во-первых, какие «изюминки» готова предложить страна мировому сообществу в качестве состоятельного партнера по инновационному развитию? Во-вторых, как эффективно регулировать интеграцию элементов зарубежных НИС в российское инновационное пространство с учетом национальных интересов страны? Целесообразно также определить перспективные ориентиры соотношения собственных

и заимствованных институтов инновационного развития в российской практике.

Нельзя полностью согласиться и с трактовкой авторами пространственных аспектов генерации и реализации инноваций (раздел IX). Конечно, выработанные мировой практикой механизмы формирования регионами собственных инновационных стратегий, создания инновационных кластеров и т. п. смотрятся весьма эффективно как элементы «территорий инноваций». Тем не менее, для огромной страны, большая часть которой расположена в некомфортных природно-климатических условиях, важны специализированные инновации, поддерживающие социально-экономическое единство государства, стимулирующие рациональную интеграцию региональных инновационных систем в общенациональный механизм, способствующие превращению межрегиональной дифференциации в источник национальных конкурентных преимуществ инновационного развития.

Отдельно следует сказать о заявленной авторами цели формирования так называемого «инновационного человека» — гибкого, адаптирующегося к новым вызовам времени и склонного к постоянному самообразованию гражданина. Этому целиком посвящен раздел III проекта Стратегии. Если под «инновационным человеком» подразумевается инноватор, то в таком случае термин явно неуместен, ведь никто не называет, к примеру, ученого «научным человеком» или врача «медицинским человеком». Вероятно, речь идет о новом человеке, по своему мировоззрению, способу жизнедеятельности коренным образом отличающемся от среднего современного обывателя. Можно ли всех россиян сделать «инновационными людьми» или это будет особая привилегированная каста? Как учит история, попытки переделать характер человека в массовых масштабах и за короткий срок обычно приводят к негативным последствиям (вспомним советского человека — строителя коммунизма). Скорее всего, речь идет о касте. В доказательство этого приведем следующие примеры.

Во-первых, в рамках концепции формирования «инновационного человека», помимо всего прочего, предполагается стимулировать государственных чиновников к повышению квалификации. В стране, как обещают авторы, за период до 2020 г. будут созданы возможности для получения госслужащими длительных (до двух лет) отпусков с сохранением содержания и должности для прохождения очного обучения в магистратуре по программам второго высшего и дополнительного профессионального образования, в том числе в зарубежных университетах (раздел V, стр. 57–58). Кроме того, обязательным требованием к чиновникам, которые претендуют занять высокий государственный пост, будет свободное владение иностранным языком (стр. 58). Другими словами, авторы предлагают превратить российских чиновников в «инновационных людей» за счет средств налогоплательщиков, которые в подавляющем большинстве не могут позволить себе качественное высшее образование не только за рубежом, но и у себя в стране.

Во-вторых, авторы планируют сформировать институт федеральных научных сотрудников и феде-

ральных профессоров (очевидно, в противовес исторически принятым в России ученым и академическим званиям).

На это планируется в 2020 г. выделить столько же средств, сколько на обеспечение деятельности Российского фонда фундаментальных исследований — 15 млрд руб.. Для сравнения на повышение уровня пенсионного обеспечения ведущих ученых (сегодняшних «обыкновенных» докторов наук, профессоров, членкоргов и академиков) в 2020 г. будет выделено 0,2 млрд руб. (стр. 91).

Дадим теперь общую оценку представленного Минэкономразвития документа.

1. Предлагая проект Стратегии инновационного развития страны до 2020 г., необходимо было сначала тщательно исследовать, почему, как это следует из анализируемого документа, из запланированных в Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 г. результатов на первом этапе (2006–2007 гг.) достигнуто лишь менее трети от запланированных показателей, а на втором этапе (2008–2010 гг.) средний уровень достижения запланированных показателей составил около 40% и по отдельным ключевым показателям по-прежнему сохраняется негативная динамика (стр. 8). При этом финансовые средства, как представляется, освоены полностью.
2. Заявленный как Стратегия, проект в значительной степени ориентирован на решение тактических, сиюминутных задач. Многие предлагаемые меры носят разовый характер, либо ограничиваются краткосрочной перспективой. С моей точки зрения, было бы целесообразно выделить небольшой по объему блок стратегических ориентиров инновационного развития, развернутый далее в программу практических шагов различного временного горизонта. Кроме того, в документе имеется избыточное количество индикаторов и показателей, которые используются несистемно и к тому же противоречат друг другу.
3. Из документа исключено понятие государственной инновационной и научно-технологической политики, что, разумеется, логично, учитывая ориентацию на «ручной» режим управления. Не освещены вопросы развития научно-аналитической базы государственного управления, содействия необходимым социальным и политическим инновациям, распределения полномочий по стимулированию инновационной деятельности между различными уровнями государственного управления, а также между государственными и негосударственными структурами. Ничего не говорится о необходимости модернизации экономики, как подготовительного этапа к внедрению истинных (то есть основанных на оригинальных достижениях отечественной науки) инноваций.
4. Большое внимание в проекте Стратегии уделяется формированию так называемого «инновационного человека», который будет осуществлять все программы по инновационному развитию страны. По сути, кроме планов по наращиванию численности образованных чиновников, в документе нет ника-

ких четких индикаторов и показателей, характеризующих конкретные результаты данной кампании. В документе также отсутствуют сколько-нибудь реальные механизмы повышения заинтересованности бизнеса в инновациях, в том числе экономические стимулирующие меры, которые полностью подменяются морально-этическими (формирование «инновационного человека» вместо реальных льгот инноваторам).

5. Документ в целом свидетельствует о намерении копировать западные (в первую очередь американские) модели образования, научной сферы, инновационной деловой среды, соответствующего финансирования. Поэтому материал получился чрезмерно технократичным, социальная сторона инновационных процессов практически выпала из поля зрения авторов. Акцент сделан не на инновационное развитие страны, а на развитие инновационной сферы. Такое сужение объекта оставляет вне поля рассмотрения насущные проблемы формирования социальной базы перехода к инновационной экономике, взаимосвязи инновационных процессов с решением первостепенных задач социально-экономического развития, сбалан-

сированности интересов в процессе реализации нововведений и т. п. Подобный подход чреват как ростом социальной напряженности, так и распылением средств на малоэффективные проекты. Декларируемые в документе модные сейчас институциональные новации заслонили собою более важные составляющие инновационного развития: укрепление правовых основ хозяйственной деятельности; сбалансированное развитие регионов; комплексное решение социальных, гуманитарных и экологических проблем; проведение эффективной денежно-кредитной и финансовой политики с учетом российских реалий.

Полагаю также, что в рамках анализируемого документа необходимо было четко сформулировать (с привлечением экспертов РАН) задачи Российской академии наук и других госакадемий по обеспечению развития инноваций в стране, в частности по созданию «инновационного пояса» вокруг академических учреждений, усилению прогностической и экспертной составляющих их деятельности, увеличению доли ориентированных фундаментальных исследований по направлениям технологического прорыва, сформулированным Президентом Российской Федерации.

Провалы рынка и государства в Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. «Инновационная Россия -2020»

О. Г. Голиченко,

доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, профессор Московского физико-технического института, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

С. А. Самоволева,

к. э. н., с. н. с. Центрального экономико-математического института РАН

Основные направления инновационного развития нашей страны были заданы еще в «Основах политики РФ в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу», принятых в марте 2002 г. В феврале 2006 г. была утверждена Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 г. В декабре 2010 г. до истечения срока ее действия Минэкономразвития России предложен новый проект стратегии «Инновационная Россия-2020» (далее — Стратегия), но уже на период до 2020 г.

Последний вариант Стратегии, с одной стороны, кажется более содержательным. В нем сформулированы основные принципы государственной иннова-

ционной политики. Сценарии привязаны к импортоориентированному, догоняющему и ориентированному на достижение технологического и научного лидерства вариантам инновационного развития. Формулируются требования, которым, по мнению авторов, должны удовлетворять человеческие ресурсы, государство в целом, чтобы оказалось возможным реализовать наиболее рациональный путь развития. В приложении приведены основные термины, используемые в тексте Стратегии.

С другой стороны, при ретроспективном анализе инновационной деятельности и политики в России, хотя и указаны некоторые негативные тенденции, отсутствует глубокое исследование причин их возник-

новения, не рассмотрены недостатки ранее принятой системы мер и причины ее невысокой эффективности. В результате существенно снижается ценность новой концепции; существенно создается разрыв с постановкой задач, принятых в предыдущих документах; накапливаются нерешенные проблемы.

Роль государства в инновационном развитии.

Можно высказать гипотезу, что причиной возникновения Стратегии является новое понимание роли государства в инновационных процессах, вызванное к жизни существующими в России провалами рынка, недостаточной предпринимательской активностью. Такое предположение возникает при обращении ко второму разделу документа. Трудно возражать против ряда выдвинутых в этом разделе принципов: преимущественной ориентации государства на восполнение провалов рынка, прозрачности распределения бюджетных средств и оценки достигнутых результатов, необходимости стимулирования конкуренции.

Вместе с тем, существуют и положения, которые вызывают серьезные возражения. Прежде всего, это касается тезиса о «концентрации усилий государства в сферах, характеризующихся недостаточной предпринимательской активностью». Действительно, в России, многим сферам деятельности, которые традиционно являются рыночными в экономиках других стран, присутствует низкая активность бизнес-среды. Однако отсюда не следует, как полагают авторы, что это связано с провалами рынка. Скорее всего, причиной здесь служат провалы государства. Ведь недаром согласно проведенным в 2009 г. опросам предпринимателей 120-ти стран высота барьеров для ведения бизнеса в России оценивается в 116 баллов. Максимально неблагоприятную оценку (179 баллов) получила Демократическая Республика Конго. В то же время, в Китае этот показатель равен 78, а в Корее — 15 баллам (World Bank, World Development Indicators, 2009). Доля российских фирм, указавших в рамках данного опроса на необходимость «подарка», гарантирующего получение госконтракта, составила 46%; считающих главным препятствием к осуществлению предпринимательской деятельности коррупцию — 50%, административные барьеры, в том числе при получении лицензий и разрешений для ведения бизнеса — 23,5%. Это очень высокие показатели, даже по сравнению с такими развивающимися странами, как, например, Индия, где значения данных индикаторов составили соответственно: 24; 25,7; 9,9%. Следовательно, усилия должны быть направлены не на подмену бизнеса государством, а на активизацию предпринимательской деятельности путем ликвидации «провалов государства».

Трактовка причин низкой предпринимательской активности, принятая в Стратегии, не случайна. В целом вся идеология этого документа зиждется на стремлении заменить рыночные механизмы — государственными. Это распространяется даже и на сферу коммерциализации результатов научной деятельности, так как планируется ввести в действие такой инструмент, как «инновационный лифт» — «сеть созданных государством институтов развития, *поддерживающих инновационные проекты на всех стадиях развития*». Такое предложение противоречит и нормам ВТО,

и диссонирует с самой сущностью инновационной деятельности как рыночного феномена. Очевидно, национальная инновационная система (НИС) в представлении разработчиков Стратегии является не частью экономической системы, а «подшефной организацией», где администратором служит государство. Ведь авторы возлагают на государственные органы не только общее управление реализацией Стратегией, но и «координацию взаимодействия между основными блоками национальной инновационной системы»¹. В то же время основоположники теории НИС полагали, что в центре этой системы находится предприятие, погруженное в рыночную среду, самостоятельно устанавливающее связи и коммерциализирующее как свои собственные идеи, так и полученные извне. Так, Нельсон пояснял, что НИС — «система национальных институтов, чье взаимодействие определяет эффективность инновационной деятельности национальных фирм». Государство в этой системе выполняет роль катализатора, партнера, координатора, но не администратора, управляющего всеми блоками и приводящего в движение «инновационные лифты» вне зон своей социальной ответственности.

Варианты инновационного развития. Другим серьезным дефектом Стратегии является изложение оригинальных авторских версий возможных вариантов инновационного развития и разработка на их основе «оптимальной смешанной стратегии». Авторы явно недооценивают значение импорта как источника технологических знаний, не могут четко определить необходимых инструментов для организации его положительного воздействия на инновационное развитие и поэтому относят его к проигрышному инерционному варианту. Концепция догоняющего развития в контексте Стратегии опирается на модель инновационной деятельности времен холодной войны. Описываемая модель содержит ряд устаревших представлений об инновационном процессе и не соответствует современному опыту успешного догоняющего развития, реализованного в Южной Корее или Китае, современный технологический потенциал которых вырос на заимствовании самых передовых технологических знаний. Авторы опасаются «теней прошлого» и не видят реальных опасностей осуществления этого пути в настоящем и будущем. Так, очевидно, что для получения доступа к современным технологическим знаниям необходимо проводить политику либерализации и открытия экономики, но без комплементарных составляющих этой политики можно лишиться национальной промышленности. Чтобы этого не произошло должна быть продумана система действий, не противоречащих правилам ВТО, позволяющая выжить отечественным предприятиям в условиях жесткой конкуренции с передовыми иностранными фирмами. Кроме того, догоняющее развитие предполагает использование хозяйствующими субъектами всех возможных каналов доступа к глобальным технологическим знаниям (в том числе и импорта овеществленных технологий),

¹ Предлагаемый способ управления присущ процессам реализации мобилизационных или военных проектов. Кроме того, стоит отметить, что в Стратегии нет ни корректного определения НИС, ни описания ее блоков и основных функций.

имеющим свою специфику; создание стимулов для эффективного обращения к этим каналам и выращивания современного технологического потенциала. Без этих «деталей» Стратегия является голословным документом, способным инициировать необратимые негативные процессы для национальной экономики.

Стратегия достижения лидерства в авторской трактовке предполагает, что государство должно осуществлять «активный поиск и формирование новых рынков, новых ниш и сегментов в рамках существующих рынков и, наконец, поддержку выхода на них российских компаний». Это во многом противоречит роли государства в рыночной экономике. Наконец, смешанная стратегия, базируется, среди прочего, на попытках стимулирования инновационного поведения государственных компаний и «естественных монополий» путем повышения качества корпоративного управления, формирования требований по инновационности их инвестиционных программ, улучшения качества внешней экспертизы таких программ, проведения радикальных мер «расчистки» науки. Последнее может привести к тому, что предполагаемые на втором этапе Стратегии финансовые вливания уже не смогут реанимировать ни науку, ни помочь достичь технологического лидерства. Барьерами здесь будут служить, например, устаревшая технологическая база (обновление которой предусматривается лишь на последней стадии), неоправданные вливания бюджетных средств в крупные предприятия, прежние и созданные в период реализации Стратегии дефекты НИС.

Детали. Что касается других более «мелких» недочетов Стратегии, то к ним следует отнести неполноту ее ключевых задач, связанную с тем, что НИС не является стержнем данной концепции; повторение формулировки задачи построения целостной работоспособной НИС, которая согласно «Основам политики РФ в области развития науки и технологий на период

до 2010 г. и дальнейшую перспективу» должна была быть выполнена к 2010 г. Детальный анализ Стратегии рождает опасения, что и в 2020 г. необходимость решения этой задачи будет заявлена вновь.

Предложения по реформированию образования и исследовательской среды не выдерживают никакой критики и скорее вредны, чем полезны. Трудно принять лозунг, который легко читается в концепции: превратим преподавателей в ученых, ученых в предпринимателей, предпринимателей в педагогов, а всех студентов магистратуры в ученых. Некорректен понятийный аппарат. Нужно специально отметить, что в Стратегии используются такие понятия как «инновационный человек» и «инновационное государство», которые не только не отражены в приложении 2 «Основные термины...», но и не имеют аналогов в международной практике.

Закключение. Таким образом, представленный проект Стратегии не нацелен на выявление и ликвидацию дефектов инновационной политики прошедшего десятилетия, формирование ее новых эффективных механизмов. Можно утверждать, что хотя авторам и хотелось «ответить на стоящие перед Россией вызовы и угрозы в сфере инновационного развития», но этого не получилось. Проект, по сути, представляет собой попытку провести утопическую идею закрепления за государством функций, которые должен выполнять рынок. Приписывание государству несвойственной ему роли «лифтера» в рыночной среде (в частности, на стадиях коммерциализации) может привести к серьезным искажениям рыночных сигналов, возникновению барьеров для реализации перспективных инноваций частным бизнесом, формированию мощных коррупционных потоков, и в конечном итоге к появлению «черных дыр» в бюджете страны.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 11-02-00426а.

О проекте МЭР «Инновационная Россия-2020» (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.)

А. Е. Варшавский,
*д. э. н., к. т. н., профессор, зав. лабораторией
Центрального экономико-математического института РАН*

Введение

В большинстве официальных документов, посвященных проблемам инновационного развития России, отсутствует системный подход, в том числе слабо учитываются вопросы, относящиеся к внешней для НИС среде.

Это характерно и для проекта МЭР «Инновационная Россия-2020» (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.), где не рассмотрены ни внешние условия и факторы развития НИС, ни возможные сценарии инновационного развития в условиях ожидаемого дальнейшего обострения мирового финансового кризиса.

Отсутствие системного подхода ведет к необоснованным выводам и предложениям. Так, реализация ряда предложений, содержащихся в проекте МЭР, может еще более стимулировать «brain-drain», а реформирование науки в пользу вузов приведет к дальнейшему разрушению научных коллективов и школ в академическом и отраслевом секторах сферы НИОКР и т. д.

Представляется, что все предложения по инновационному развитию страны должны исходить из четко сформулированных долгосрочных целей социально-экономического развития страны и разработанных на этой основе программ на длительную перспективу, а также анализа внешних для НИС факторов и угроз.

В первую очередь следует учитывать обострение внешнеполитической обстановки, возрастание глобальной нестабильности и вероятности глобального конфликта

Во-вторых, следует учитывать обострение проблем внешнеэкономической агрессии, вызванное глобализацией, сокращением внутреннего производства жизненно важной продукции и ростом ее импорта. Следует учитывать и опасности, связанные с вступлением России в ВТО, необходимость усиления работ по разработке особых стандартов и требований к качеству продукции.

В-третьих, необходимо учитывать стремление соседних стран к развитию российской инфраструктуры в выгодном для себя направлении, что также создает серьезные геополитические угрозы. В первую очередь это относится к развитию транспортной сети.

В-четвертых, следует учитывать общемировые тенденции технологического развития и, соответственно, изменение внешнего спроса, что требует развития машиностроения, альтернативной энергетики и т. п. Безусловно, нужен и импорт приоритетных технологий — особенно там, где за последние 20 лет значительно усилилось отставание (робототехника, электроника, биотехнологии и др.), но он должен обеспечивать реализацию долгосрочных целей социально-экономического развития страны. Кроме этого, необходимо учитывать значительный рост дефицита инженерно-технических кадров, остро ощущаемый не столько в развивающихся, сколько в наиболее развитых странах. Повышенное внимание к научным кадрам в настоящее время за рубежом переключается на кадры инженерных специальностей.

В-пятых, необходимо обеспечение демографической безопасности. Помимо сказанного выше, она во многом зависит от чрезмерной дифференциации доходов, которая негативно влияет на обеспечение национальной безопасности и на инновационную активность в ряде направлений (авиастроение, информационные и коммуникационные технологии), а также ведет к значительной неравномерности регионального развития и косвенно к снижению качества образования и др.

Для инновационного развития экономики необходима достаточно жесткая государственная политика, мобилизация ресурсов путем введения прогрессивного налогообложения доходов, специального налога на прибыль для развития сферы НИОКР, регулирования соотношения заработной платы в различных отраслях экономики и т. п.

Более конкретные замечания по представленному МЭР проекту «Инновационная Россия-2020» представлены ниже.

I. Рассматриваемый проект Стратегии инновационного развития содержит, безусловно, положительные моменты. В проекте верно отмечается следующее.

1. Из запланированных в Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 г. показателей на I этапе (2006–2007 г.) большинство по-прежнему не достигают даже уровня, предусмотренного инерционным сценарием (внутренние

затраты на ИР планировалось довести к 2010 г. до 2% ВВП и т. д.).

2. Ключевой проблемой является в целом низкий спрос на инновации.
3. Неинновационный характер государства в первую очередь выражается в недостаточном объеме финансирования научной и инновационной сферы. Расходы на ИР в 2008 г. в России составили 1,04% ВВП, что значительно ниже, чем в Китае (1,43%), в странах ОЭСР (2,3%), США (2,77%), Японии (3,44%).
4. Продолжает снижаться качество образования на всех уровнях.
5. Крупнейшие российские компании мало вкладывают в сферу НИОКР — в рейтинге 1000 крупнейших компаний, осуществляющих исследования и разработки, представлены только 3 российские компании.
6. Система государственной статистики не приспособлена к целям управления инновационным развитием.
7. Поставлены серьезные, амбициозные ориентиры — доля предприятий, осуществляющих технологические инновации, возрастет до 40–50% в 2020 г. (в 2009 г. — 10,4%); внутренние затраты на ИР повысятся до 2,5–3% ВВП в 2020 г. (в 2009 г. — 1,24%) и т. д.
8. Необходимо стимулирование конкуренции, преодоление монополизма в секторе генерации знаний как ключевой мотивации для инновационного поведения.
9. Правильно отмечается, что для России в современных условиях оптимальной является смешанная стратегия, с элементами стратегии лидерства в некоторых сегментах и с реализацией догоняющей стратегии в большинстве секторов экономики и промышленности, параллельно с восстановлением инженерного и конструкторского потенциала.
10. Гражданская часть национальной инновационной системы будет более эффективно состыкована с научно-техническим блоком обеспечения обороны и безопасности, будет значительно усилена фундаментальная составляющая научных исследований в сфере обороны и безопасности, в том числе путем вовлечения ведущих «гражданских» исследовательских организаций (включая академические институты и РАН в целом).
11. Недостаточна эффективность инструментов государственной поддержки инноваций: ограниченная гибкость, неразвитость механизмов распределения рисков между государством и бизнесом. Необходимо совершенствование налоговых условий для ведения инновационной деятельности, предусматривающее стимулирование расходов компаний на технологическую модернизацию; снижение уровня налоговой нагрузки на малые и средние инновационно активные предприятия, а также на новые высокотехнологичные предприятия.
12. Государство сохранит ведущую роль в формировании сети организаций сектора и финансировании исследований на всем периоде реализации Стратегии.

II. Однако в проекте Стратегии не рассмотрен целый ряд важных проблем инновационного развития. Представляется, что необходимо проработать следующие фундаментальные вопросы, не нашедшие отражения в предложенном документе.

1. В Стратегии должно быть четко сказано, на решение каких социально-экономических задач она нацелена, а также должны быть сформулированы приоритетные направления научно-технической и инновационной политики (инновационное развитие сырьевого комплекса, транспортной сети, сельского хозяйства, обеспечение обороноспособности и ряд других).
2. Должен быть охарактеризован внутренний спрос на инновационные продукты и технологии и определены соответствующие показатели (в Стратегии говорится только о выходе на мировой рынок и экспорте высокотехнологичной продукции гражданского назначения).
3. Должны быть выделены внешние условия и факторы развития НИС, в соответствии с которыми должны быть определены возможные сценарии инновационного развития в условиях ожидаемого дальнейшего обострения мирового финансового кризиса.
4. Необходим анализ возможных угроз, возможностей, слабых и сильных сторон НИС России.
5. Следует дать обоснование предлагаемых на 2020 г. ориентиров, учитывая что показатели предыдущей Стратегии до 2015 г. в большинстве своем не достигнуты, а также представить краткий анализ причин невыполнения предыдущих ориентиров.
6. Необходимо дать обоснование требованию доведения доли средств на научные исследования, проводимые в вузах, в общем объеме средств, направляемых на ИР, до 30% (соответствует в настоящее время доле затрат на ИР, выполняемые в государственном секторе). Представляется, что такой рост приведет к дальнейшему разрушению научных коллективов и школ в академическом и отраслевом секторах сферы НИОКР, составляющих основу сектора ИР России.
7. Следует пояснить, почему, как говорится в проекте, «координация в сфере прикладных исследований будет осуществляться Минобрнауки России через реализацию федеральных целевых программ и подпрограмм государственной программы «Наука и технологии», — основная часть прикладных исследований курируется Минпромом.
8. Необходимо также дать экономическое обоснование возможности решения поставленной в проекте задачи развития системы непрерывного образования, так как при нынешнем недофинансировании образования не ясно, за счет каких средств это будет выполняться.
9. Следует обосновать целесообразность сокращения числа наукоградов и пересмотра статуса «наукограда».
10. Следует учитывать, что предложения проекта по массовой подготовке молодых специалистов за рубежом приведут при сложившихся тенденциях к усилению оттока молодежи из страны. В связи с

этим требуется дать обоснование возможности предотвращения «brain-drain», а также экономическую оценку возможности реализации предлагаемой в проекте программы подготовки кадров за рубежом (обучение на уровне аспирантуры не менее 10000 молодых российских специалистов, — это примерно 1/6 всех российских исследователей в возрасте до 29 лет, а также на уровне магистратуры — не менее 1000 перспективных молодых специалистов и т. д.).

11. Необходимо дать целевые индикаторы для отраслей обрабатывающей промышленности, особенно наукоемких.
 12. Необходимо расширить число индикаторов, так как в целевых индикаторах реализации Стратегии мало относящихся непосредственно к инновационной деятельности.
 13. Следует существенно ограничить сферу, где предлагается упрощение и ускорение процедур сертификации, в том числе в соответствии с международными стандартами качества, — это особенно опасно в области продуктов питания и внутреннего потребления, в том числе продукции фармацевтической продукции.
 14. Необходимо обосновать предполагаемое «значительное повышение производительности труда (не менее 5% ежегодно) до достижения среднеотраслевых значений, характерных для аналогичных зарубежных компаний». Не ясно, за счет каких факторов это ожидается осуществить и как при этом повысится оплата труда.
 15. Необходимо обосновать то, что предполагается: «сокращение государственного участия в экономике, активизация приватизационных процессов в сочетании с привлечением стратегических инвесторов со значимыми технологическими компетенциями». Следует учитывать, что это предложение противоречит утверждению о необходимости сохранения ведущей роли государства в финансировании ИР, см. выше.
 16. Следует дать обоснование требованию повышения доли лиц, занимающих должности руководителей высшей и главной групп должностей государственной гражданской службы, получивших высшее профессиональное образование за рубежом, до 12%.
 17. Необходима оценка того, как «Активное привлечение международных высокотехнологичных компаний к размещению производств, исследовательских и инжиниринговых центров в Сколково, ...привлечение компаний — мировых лидеров для работы на российских площадках» будут способствовать отвлечению наших ученых и инженеров и стимулировать их отток из страны.
- ## III. Следует изменить ряд положений Стратегии, дезориентирующих высшие эшелоны власти и население. В их числе можно отметить следующие.

1. Внутренние затраты на исследования и разработки в РФ в абсолютных цифрах неуклонно возрастали, и увеличились с 48 млрд руб. в 1999 г. до 485,8 млрд руб. в 2009 г. *Такие цифры дезориентируют руководство страны и население, они ведут к оши-*

бочным выводам — в реальном выражении рост составил всего 2,1 раза.

2. Утверждение: «неспособность многих исследовательских организаций удержать молодых специалистов» *перекладывает ответственность с ответчика на потерпевшую сторону.*
 3. Утверждение, что «Россия по численности исследователей намного превышает любую из стран Европы» *не верно*: в Германии — 301295 исследователей в пересчете по FTE в 2008 г., в России — 369237 (by heads), 2009 г., а при правильном пересчете по FTE — менее 300000.
 4. Предложение относительно того, что «В отношении исследований, проводимых академическими институтами, будет обеспечиваться независимая оценка с привлечением зарубежных экспертов, ученых вузовской науки» *крайне сомнительно, так как в вузах, за исключением нескольких, крайне мало специалистов, способных это осуществить, тем более, что во многих вузах преподавателями являются представители академического сектора.*
 5. Ожидание того, что «будут созданы механизмы, стимулирующие развертывание в федеральных и национальных исследовательских университетах полного цикла инновационных разработок», *необходимо дополнить соответствующими сроками, так как для окончания этого процесса потребуются многие десятилетия.*
 6. Отмечается низкая «результативность научных исследований, измеряемая патентной и публикационной активностью и индексами цитирования. Отчасти такое положение связано с тем, что в России низка доля финансирования науки из внебюджетных источников, но одним из главных факторов является низкая эффективность самих государственных расходов, неоптимальная структура сектора, характеризующаяся большим числом неэффективных организаций и исследовательских подразделений». *Однако, как уже отмечалось в наших публикациях как в России, так и за рубежом, здесь не учитывается, во-первых, то, что эффективность следует оценивать в расчете на единицу затрат на науку, во-вторых, что публикации в ведущих журналах выполняются исследователями академий наук (около 75%) и ведущих вузов, в-третьих, закрытость науки в ОПК, в-четвертых, отсутствие своей качественной базы данных по публикациям.*
- IV. Необходимо убрать необоснованные, сомнительные или неверные положения**, в том числе следующие утверждения.
1. «Россия — одна из самых консервативных стран. Недостаточно высокий уровень проникновения интернет (данные в 2009 г.: Россия — 46%, Германия — 76%, Великобритания — 80%), при том, что в последние годы и компьютер и интернет стали финансово доступны самым широким слоям населения, также показывает определенную консервативность населения по отношению к технологическим новациям». *Это не верно: среднедушевые доходы 39,2% населения составляют 10 и менее тыс. руб. в мес. При цене 1 компьютера около 20 тыс. руб и достаточно высокой плате за Интернет более высокий уровень проникновения Интернета будет достигаться замедленными темпами.*
 2. *Голословно утверждается*, что государственные средства, выделяемые на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, в большинстве секторов экономики расходуются недостаточно эффективно.
 3. Утверждается, что «на поддержку реализации исследовательских программ в рамках технологических платформ будет переориентирован Российский фонд технологического развития (РФТР)». *Однако у РФТР очень мало ресурсов для решения столь масштабной задачи.*
 4. *Вызывает сомнение нацеленность на формирование компетенций «инновационного человека» еще до школы*, тем более заложение на этой стадии основ навыков по критическому восприятию информации, способности к нестандартным решениям, креативность, изобретательность, способности работать в команде и пр.
 5. Предложение повысить среднемесячную начисленную заработную плату работников образования, в % к среднероссийской заработной плате, с 65,5% (2008 г.) всего лишь до 100% в 2020 г. *будет способствовать дальнейшему снижению качества системы образования.*
 6. *В проекте содержится много противоречащих друг другу идей — например, предложениям по демополизации сопутствуют предложения по концентрации НИОКР*, что противоречит практике наиболее развитых стран.
 7. *Предлагается, в отличие от того, что делается после начала кризиса в наиболее развитых странах, не повышение доли затрат на науку, а «радикальное повышение эффективности их функционирования в рамках существующего финансирования, «расчистка» науки от нежизнеспособных организаций с перераспределением финансирования с неэффективных направлений на перспективные и обновлением управленческих кадров».*
 8. Тезисы «На первом этапе также должна быть осуществлена полномасштабная интеграция национальной науки в глобальное научное сообщество», а также «К системе государственной власти, также как к науке, образованию и бизнесу будут предъявляться требования к ее «открытию» для «внешнего мира», в том числе в плане обеспечения для иностранных пользователей необходимого объема актуальной информации» *требуют обоснования и уточнения, так как они противоречат требованиям обеспечения национальной безопасности.*
 9. Необходимо понимать, что предлагаемая «санация или перепрофилирование в 2011–2014 гг. и перепрофилированию (вывод из сектора науки) 10–15% организаций» *практически не улучшит положение дел с финансированием науки — предполагается дополнительно увеличить финансирование сохраняющихся организаций всего (!) на 15–20% при плане его повышения к 2020 г. в 2,5 и более раза.*
 10. Прокламируемое в стратегии без всякого обоснования «создание благоприятных условий и

стимулов для прихода в науку талантливой молодежи, склонной к исследовательской работе; закрепление способных молодых исследователей в науке, в том числе, создание условий, снижающих стимулы к выезду таких исследователей на постоянное место жительства за рубеж без введения каких-либо административных барьеров для мобильности научных кадров», не конкретно, это всего лишь благие пожелания. При таком ничтожном росте финансирования молодежь в науку не пойдет.

11. *Предлагается на повышенные стипендии миллионов студентов — в 2020 г. выделить всего 0,5 млрд руб, а на поддержку грантов для обучения за рубежом — 10,8 млрд, что не может не вызвать удивления.*
12. В проекте «в целях стимулирования своевременного обновления кадров» предлагается на повышение уровня пенсионного обеспечения ведущих ученых в 2020 г. выделить 0,2 млрд руб. *Не понятно, какие расчеты проводились — если выводить ежегодно на пенсию 5000 ученых, то это примерно 40 тыс. в год на одного ученого (чуть более 3 тыс. в месяц).*
13. Предполагается, что «Ключевыми направлениями развитие международного сотрудничества в сфере инноваций должны стать: поддержка выхода российских высокотехнологических компаний на мировые рынки, упрощение контрольных процедур во внешней торговле высокотехнологичной продукцией» и т. д. *Однако не рассмотрены пробле-*

мы, связанные с негативным влиянием вступления России в ВТО на вытеснение российских высокотехнологических и других компаний с внутреннего рынка.

Заключение — рекомендации

Представленный проект требует полной переработки на основе системного подхода с учетом изложенных выше замечаний.

Его содержание свидетельствует об отсутствии преемственности знаний и опыта старшего поколения специалистов молодыми, менее опытными исполнителями, что подтверждается также значительным количеством противоречивых утверждений, смысловых неточностей и просто грамматических ошибок.

В связи с этим, необходимо к разработке Стратегии привлечь ученых РАН и специалистов-отраслевиков, имеющих большой опыт работ по подготовке Комплексных программ НТП страны, а также проектов, выполненных в период перехода к рынку по поручению министерств и ведомств.

Кроме того, по-видимому, целесообразно, силами ученых РАН и отраслевых научно-исследовательских институтов, организовать обучение специалистов высшего звена соответствующих ведомств с целью передачи им теоретических и практических знаний в области разработки научно-технической и инновационной политики.

О проекте Стратегии инновационного развития РФ до 2020 г.

В. И. Сулов,

член-корреспондент РАН, профессор кафедры применения математических методов в экономике и планировании Новосибирского государственного университета, заместитель директора по науке и заведующий лабораторией моделирования и анализа экономических процессов Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, секретарь Высшего экономического совета Сибирского федерального округа

Документ ожидаемый и не содержащий ничего неожиданного. Не останавливаясь на подробном анализе текста, сделаю несколько коротких комментариев.

1. В 2006 г. была принята Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 г. В данном документе (в новой Стратегии) приводится информация о ходе выполнения той Стратегии за период 2006–2010 гг. Из 17 показателей, динамику которых можно проследить, только 4 соответствуют поставленным тогда задачам, динамика 7 показателей хуже, чем даже в инерционном сценарии (без учета Стратегии), а 6 — противоположна (должны расти, но фактически падают). Какой смысл разрабатывать новую Стратегию, если предыдущая не только не выполнена, но и потерпела полный крах? Анализ причин, которые не позволили выполнить Стратегию 2006 г., не проведен. А с этого стоило бы начать. Без этого новой Стратегии может быть уготована та же участь.

2. Цели, задачи, количественные ориентиры, проблемы поставлены и представлены хорошо. Но это — единственная «ложка меда». «Тело» Стратегии настолько рыхло, что его фактически нет. «Углубить», «расширить», «действовать в направлении улучшения...» — толку от таких формулировок мало.

Стратегия — это руководство к действию, и не просто к действию, а к действию, обеспечивающему победу (в данном случае — к переходу экономики России на инновационный путь развития). Текст должен быть коротким и однозначно воспринимаемым, как боевой приказ: что, кому и в каких случаях делать. Государственная Стратегия это набор обязательств, которые берет на себя государство перед обществом, бизнесом. А здесь — сплошная сослагательность и рефлексия.

Для того, чтобы сказать, сколько нужно (нужно было бы) федеральных профессоров, стипендиатов и лауреатов таких-то премий и конкурсов, а

также намекнуть, что в отдельных случаях режим «Сколково» можно «распространить», а финансовый контроль над исследователями следовало бы ослабить, достаточно 3–5 страниц — 130 страниц это слишком много.

3. Авторы документа совершенно справедливо указывают на главную, острейшую, болезнейшую проблему: отсутствие со стороны российского бизнеса спроса на инновации вообще и отечественные в особенности. Но о том, как решать эту проблему в Стратегии практически ничего не говорится. Казалось бы естественным, что ее решение потребует существенных изменений в разных кодексах (налоговом, гражданском, таможенном...) и законодательных актах. Ни один из «шагов» (приложение 1 «Основные шаги по реализации Стратегии») таких действий не предусматривает. А ведь такие действия, стимулирующие рост, модернизацию, инновации возможны и достаточно очевидны. Например. Можно увеличить налог на прибыль с 20% до 50–60 и даже 75% — для компенсации выпадающих доходов, но только на ту прибыль, которая направляется на потребление. Прибыль, используемую на развитие под качественные инвестиционные проекты, — освободить от налога. Если проект предусматривает инновации и модернизацию, то налог должен быть отрицательным, например — минус 25% (государство софинансирует проект: к каждому рублю добавляет 25 копеек), а если имеет место ориентация на отечественные инновации, соответствующие мировому уровню, то налог — минус 50%. Имеется достаточно много вариантов стимулирования экономического роста и инновационного развития. Они опробованы в мировой практике, но в этом документе не предусмотрены.
4. Зато вопросам реформирования сферы генерации инноваций, прежде всего науки и образования, уделено весьма пристальное внимание. Нацеленность предлагаемых новаций — на перемещение науки в вузы и национальные исследовательские центры, встроенные в жесткую вертикаль административной власти, смену концепции высшего образования со школы знаний на школу компетенций. Акцент

делается не на усиление имевшихся и частично сохраняющихся конкурентных преимуществ российской науки и образования, а на перестройку этой сферы под западные образцы, причем не лучшие, элитарные, а средние, «широпотребовские». При этом вузовская наука в России традиционно слаба, и ставка на нее приведет к потере темпа по крайней мере на 5–10 лет, «Курчатовский Институт», ориентироваться на который предлагается, пока себя особо не проявил (но «гудок» мощный), «потемкинское» «Сколково» энтузиазма не вызывает.

В документе верно указывается на ряд болевых точек, в частности на недостаточную встроенность отечественной науки в общемировые процессы, удручающе низкое участие в общепризнанных изданиях, низкую цитируемость и т. д. Это свидетельствует не только о недостаточной эффективности российских ученых, но и в значительной степени является наследием советского периода с его самоизоляцией, завесой тайны, гипертрофированной идеологизацией общественных наук. В таких условиях было бы естественно ожидать предложений по преодолению этих недостатков, по мерам государственной поддержки отечественной науки в мировом сообществе. Некоторые меры предлагаются, но нацелены они на помощь не отечественным, а иностранным ученым.

5. Для того чтобы законодательно определить политику стимулирования инновационного развития, необходимо научиться однозначно и прозрачно измерять уровень инновационности, высокотехнологичности продукции, технологий, предприятий. Иначе преференции под маркой инновационности быстро станут получать организации, не имеющие к этому никакого отношения. Дефиниции, данные в приложении 2 («Основные термины, используемые в Стратегии»), слишком неопределенны и мало операциональны. Как измерить «уровень новизны» товара, «наукоемкости» продукции и т. д., кто скажет, что он выше или ниже «среднего» по промышленному производству вообще или по национальному российскому рынку?

О проекте «Инновационная Россия-2020»

Г. В. Козлов,
*д. ф. - м. н., профессор, советник генерального директора,
ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей»*

Основной лейтмотив данного документа сводится к тому, что предприятия **должны** стать инновационно активными. В реальной жизни инновации востребуются предприятиями не по принуждению, а только тогда, когда они экономически целесообразны.

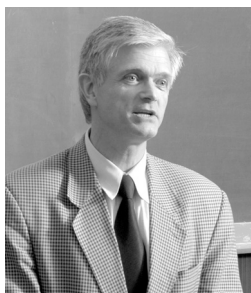
В документе описано плачевное состояние инноваций в стране, но не выявлены реальные причины такого положения дел. Главными среди них являются:

1. Непомерно высокий уровень коррупции. Коррупционные механизмы подменяют основной стимул инноваций — достижение конкурентоспособности

- продукции — на достижение различного рода предпочтений (подчас незаконных) и подавление конкурента внеэкономическими методами. Коррупция искажает функциональную направленность деятельности органов государственного управления и приводит к криминализации общества.
2. Высокие ставки кредитования. Внедрение инноваций требует долгосрочных кредитов, которые невозможно окупить при существующей ставке.

3. Отсутствие государственной системы формирования и защиты стратегически важных секторов внутреннего рынка, а также эффективных налоговых льгот и преференций для инновационных предприятий.
4. Падение до недопустимо низкого уровня престижности труда ученого и инженера.
Предлагаемые в документе меры не устраняют данных ключевых проблем и, на мой взгляд, не смогут привести к достижению заявленных показателей (как и предыдущие аналогичные по своему подходу программы).

О проекте Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.

В. Г. Зинов,
*декан факультета инновационно-технологического бизнеса
Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, профессор,
кандидат технических наук, доктор экономических наук*

Проjekt «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.» (далее по тексту — проект Стратегии) — шаг вперед по сравнению с предыдущими стратегиями, однако это скорее довольно добротный аналитический документ, чем стратегия в истинном значении этого слова. Потребуется доработка и в отношении корректировки целей (многие из которых фактически воспроизводят невыполненные задачи предыдущих стратегий без анализа причин провалов), и в отношении инструментов инновационной политики, контуры которой уже, можно сказать, очерчены.

Проект Стратегии задает современный вектор развития, но требует поддержки многими более конкретными программами действий. Например, показатели результативности инновационной деятельности национальной экономики могут быть использованы в качестве целевых показателей. Однако их не всегда можно их использовать для оценки региональной инновационной экономики, тем более, отдельных организаций. Для разработки отраслевых стратегий и программ развития отдельных структур генерации знаний это очень актуально, в том числе такие показатели, например, как:

- средняя цитируемость научных работ российских исследователей повысится до 5 ссылок на статью в 2020 г. (в 2009 г. 2,4 ссылки на статью);
- не менее 5 российских вузов войдут в число 200 ведущих мировых университетов согласно международному рейтингу (в 2009 г. — ни одного);
- количество патентов, ежегодно регистрируемых российскими физическими и юридическими лицами в патентных ведомствах ЕС, США и Японии превысит в 2020 г. 2,5–3 тыс. (в 2008 г. — 63).

Эти показатели должны ориентировать научно-технические организации и вузы при разработке своих программ развития. Мнение о том, что наука нужна лишь для познания мира, а не для создания «свечных заводиков», — в корне неверное. Мы знаем примеры Массачусетского технологического института и Стэнфордского университета, малые фирмы которых имеют совокупный бюджет, сопоставимый с бюджетом РФ. Они реально вовлекают результаты интеллектуальной деятельности в область практического применения и промышленного освоения. Наука может и должна зарабатывать. И тот факт, что на входе наша гражданская наука имеет 127 млрд руб. в год, а на выходе — несколько тысяч рублей за продаваемые лицензии, конечно, свидетельствует о том, что нужны меры для повышения отдачи этих инвестиций.

Сегодня мы становимся свидетелями глобализации науки, активного применения такого формата как научный аутсорсинг. Поэтому представление результатов отечественных исследователей в мировых базах знания становится одним из алгоритмов их коммерциализации.

Мир науки уже произвел такое количество полезного знания, что в этих завалах теряется «золотой песок», и они не осваиваются в полной мере. Поэтому крупнейшие промкорпорации сокращают свои научно-исследовательские подразделения. Они поняли, что поисковые и даже прикладные исследования зачастую уже не нужны. Надо с помощью семантических систем экстракции знания находить тех, кто это уже сделал или умеет делать.

Потому стратегии развития исследовательских институтов и вузов должны включать реализацию основных принципов коммерциализации научных

результатов науки, в том числе обучение всех, от директоров и ректоров до младших научных сотрудников. Программы развития вузов и НИИ должны быть направлены на формирование культуры коммерциализации. Мы же учим студентов, как пишется научная статья — точно так же надо учить и основам инновационного бизнеса, включить этот предмет в учебные программы вузов. Инициация предпринимательство в академической среде требует появления в институтах инновационных менеджеров. Наш факультет таких менеджеров готовит из числа успешных предпринимателей и менеджеров. Они находят среди прикладных результатов исследований инновационные идеи и доводят их вместе с исследователями до рынка. Примеров могут привести не мало.

В целом проект Стратегии представляет собой набор очень правильных пожеланий для организаций всех форм собственности и видов деятельности. Указанные этапы реализации, к сожалению, неравнозначны, скорее всего, первый этап реализации (2011–2013 гг.) уже поздно запланировать в бюджете. Потому задачи этого этапа нереалистичны, их нельзя реализовать без финансирования за 3 года. Горизонт до 2020 г. коротковат для масштаба поставленных задач, нужно его продлить лет не менее, чем на пять.

Несомненный плюс проекта Стратегии — выбор модели инновационного развития (стр. 21, последний абзац).

О проекте Стратегии инновационного развития РФ до 2020 г.

Н. Г. Куракова,

доктор биологических наук, руководитель программы «МВА — Управление инновационными проектами», директор Центра венчурного предпринимательства МИРБИС, квалифицированный инвестор венчурного фонда «Максвелл Биотех», эксперт национальной ассоциации инноваций и развития технологий, генеральный директор издательского дома «Менеджер здравоохранения»

За последние пять лет в России созданы все основные государственные институты инновационного развития с четко определенными целями, моделями действия и внушительными объемами государственного финансирования... Единственным элементом национальной инновационной инфраструктуры, оставшимся в стороне от структурной модернизации, стал сектор генерации знания. А между тем именно этот этап является ключевым и во многом детерминирующим развитие инновационного предпринимательства в стране.

Поэтому самым значимым фрагментом проекта Стратегии мне представляется намеченное проведение комплексной оценки (аудита) потенциала и результативности действующих государственных научных учреждений и вузов и предложенные количественные показатели такой оценки: доля российских исследователей в общемировом числе публикаций в научных журналах и средняя цитируемость научных работ российских исследователей.

У исполнителей проекта Стратегии были образцы Стратегий инновационного развития других стран. Вызывает неумение, почему они пошли свои запутанным путем.

Мне, в частности, не понятно, почему не учтена серьезная многолетняя работа В. Н. Киселева, которая опубликована в журнале «Инновации» (№ 4 за прошлый год) «Сравнительный анализ инновационной активности субъектов Российской Федерации». В этой статье представлены результаты сравнительного анализа инновационной активности субъектов Российской Федерации, выполненного в соответствии с данными официальных статистических обследований 2008 г. на основе оригинальной системы показателей.

Результаты сравнительного анализа, сопоставимого по своей методике с европейским региональным инновационным обзором, опубликованные в 2009 г., позволяют провести сопоставление российских регионов по сводному индексу инновационной активности. Автор выделил четыре кластера регионов-лидеров: по уровню инновационного потенциала, по уровню развития инновационной инфраструктуры и инновационного климата, по результативности инновационной деятельности, по эффективности использования инновационного потенциала.

Возникает закономерный вопрос, почему не использовать проверенные в зарубежной практике критерии инновационного развития экономики.

Предложенные критерии хороши по следующим причинам: они являются количественными (т. е. беспристрастными), рассчитываются международными организациями, на которые трудно повлиять и, что самое главное, при всей уязвимости отдельных наукометрических показателей, в целом, являются объективным отражением результативности и качества научной деятельности.

Целесообразность использования библиометрических показателей в 2003 г. была подтверждена Статистическим институтом ЮНЕСКО, который ввел в качестве параметров измерения научной деятельности такие библиометрические данные, как количество публикаций, их цитируемость, количество поданных патентов. В формализованном виде эта идея была положена в основу модели финансирования исследований Норвегии, разработанной в течение 2002–2004 гг. Университетом г. Осло. Решение о создании программы оценки и финансирования образования, в которой ключевая роль будет принадлежать библио-

метрическим показателям, приняло и правительство Великобритании.

Ценность научной статьи во всем мире определяется двумя параметрами — ее доступностью и цитируемостью, равно как и ценность журналов, в которых эти статьи публикуются.

В России культура представления научного знания в публикациях претерпела очень опасные трансформации. Во-первых, не наблюдается роста числа публикаций с 1981 г., тогда как Индия, Китай и Бразилия переживают бурный рост производства «научной продукции». Особенно сильное отставание от ведущих стран мира наблюдается в секторе наук о жизни. Если по данным на 1993–2002 гг. отечественные публикации занимают 15-е место в мире по цитируемости, то по биологии и биохимии отечественные публикации находятся на 17-м месте, по клинической медицине — на 37-м месте, по фармакологии и токсикологии — на 31-м, по иммунологии — на 33-м.

Во-вторых, показатели цитируемости российских статей чрезвычайно скромны. Так база данных Национального научного фонда США включает данные об организациях, в которых работают ученые — авторы наиболее высокоцитируемых публикаций. По состоянию на 20.12.2010 г. в эту БД вошли всего 1021 отечественная высокоцитируемая статья. РАМН, например, за период с 1.01.2000–31.10.2010 гг. представлена всего 20-ю высокоцитируемыми статьями и занимает 1109-ый ранг из 4339 самых высокоцитируемых организаций мира.

В-третьих, не визуализируются даже те публикации, которые «рекомендовано» размещать в журналах «списка ВАК». Многие из этих журналов сегодня имеют тиражи, не превышающие 300 экземпляров и при этом не размещают на своих сайтах полнотекстовые версии публикаций.

По сути, проект Стратегии вынуждает уйти в прошлое такие характеристики наших ученых, как «автор

более 600 работ». И не потому что эти публикации не имеют ценности, а потому что их невозможно найти ни в библиотеках, ни в российских и международных индексируемых базах данных. П

опробуйте набрать в поле «Автор» в электронном каталоге какой-нибудь российской библиотеки фамилию исследователя, «автора более 600 работ». Вы в лучшем случае получите 30–40 ссылок. А где же искать остальные? Зачастую на этот вопрос не ответит и сам автор. Тогда для кого же были написаны эти 600 публикаций?

Представление публикаций в индексируемые международные базы знаний, несомненно, повысит их качество, сократит распространенность плагиата, изживет такие широко распространившиеся явления, как написание диссертаций на заказ, введение в комиссии и ученые советы лиц, ничем не доказавших высокого уровня научных исследований. Корпус экспертов по различным областям знания будет формироваться и обновляться по беспристрастным критериям. Качество публикационного потока НИИ или кафедры, как планируется, будет обосновывать и назначения на позиции руководителей научных подразделений. Трудно спорить с правомерностью кадрового менеджмента на такой очевидной и прозрачной основе.

Вместе с тем нельзя не отметить и то обстоятельство, что ответственность за цитирование публикаций российских ученых должны разделить и отечественные издатели, и Российский индекс национального цитирования. Для достижения показателей, намеченных Стратегией, необходимо срочное и повсеместное введение курсов с условным названием «Как и где публиковаться, чтобы Вас читали и цитировали», поскольку в наукометрии много тонкостей, знание которых позволит существенно улучшить библиометрические характеристики как отдельных ученых, так и отечественного публикационного потока в целом.

Об использовании показателя «международной публикационной активности» в проекте Стратегии «Инновационная Россия-2020»

Л. В. Оболенская,
кандидат технических наук, ведущий научный
сотрудник, Центр исследований и статистики
науки (ЦИСН) Минобрнауки России

Известно, что показатель «международной публикационной активности» является одним из важных индикаторов интеграции национальной науки в международное научное сообщество. Однако допустимо ли использовать этот показатель в роли главного или единственного критерия качества

преподавательской и исследовательской деятельности? Именно такое предложение об использовании данного показателя содержится в проекте Стратегии «Инновационная Россия-2020».

Так в разделе «Инновационный характер образования» (с. 42 проекта Стратегии) предлагается

применять рассматриваемый показатель в качестве «нормы» при определении уровня заработной платы и профессиональной пригодности профессорско-преподавательского состава ведущих вузов. В частности, намечается увольнять:

- 1) педагогов, «не ведущих исследовательскую деятельность на глобально конкурентоспособном уровне»;
- 2) руководителей вузов, не обеспечивших понуждение педагогов к такой «конкурентоспособности».

При этом не учитывается следующее.

Первое. Предлагаемый индикатор оценки труда педагогов относится к научной сфере и имеет частный характер.

Второе. Ставя во главу угла оценки труда педагогов частный показатель научной деятельности, авторы проекта путают функции производства научных знаний и функции подготовки квалифицированных специалистов. Они не различают специфику этих функций, которые в соответствии с международной практикой в вузах могут осуществлять разные специалисты и подразделения.

Третье. Основное назначение профессии педагога — качество преподавания — ушло из поля зрения авторов проекта. Для обеспечения этого качества преподаватель должен постоянно обновлять свои знания и быть в курсе современной проблематики по предмету, включать все это в учебные программы и уметь донести новые знания до студенческой аудитории. При этом изобретать что-то новое сам в преподаваемой дисциплине он не обязан.

Таким образом, обсуждаемый показатель, относясь к смежной сфере деятельности и не имея непосредственного отношения к качеству преподавания, малопригоден для оценки главной функции педагога. Использование его в качестве оценки профессиональной пригодности педагогов и стимулирующей меры преподавательской деятельности может нанести существенный вред российскому образованию.

Кроме использования обсуждаемого показателя для оценки преподавательского труда, в разделе «Эффективность государственных расходов на науку» (стр. 82 проекта Стратегии) намечается применять его в качестве целевого индикатора и в научно-исследовательской сфере.

Предлагается считать «прошлые» заслуги заявителя, включая их оценку на основе обсуждаемого показателя, «единственным критерием доступа к конкурсному финансированию» научных проектов, в том числе в рамках РФФИ и РГНФ.

В этой связи необходимо отметить следующее.

Согласно международным нормам, главным критерием доступа к конкурсному финансированию

должно быть качество заявки. Оно включает такие стандартные требования, как актуальность для рассматриваемой отрасли знаний, научную новизну, практическую значимость.

Оценка проектов по этим критериям должна осуществляться в рамках независимой экспертизы, что предполагает отделение экспертов от финансовых потоков, отсутствие связи с заявителями, количественные оценки несколькими экспертами и ступенчатость экспертизы.

«Прошлые» заслуги ученых являются всего лишь одним из многих факторов обеспечения качества заявки.

По логике авторов проекта Стратегии придется откладывать финансирование исследовательских проектов, отвечающих требованиям актуальности, высокой научной новизны, практической и социальной значимости до той поры, пока заявители не сделают проект без поддержки государства и не опубликуют данные результаты за рубежом многократно.

К тому же, гуманитарные проекты, например, экономические, могут быть нацелены на выявление и решение актуальнейших российских проблем. Аналогично, научно-технические проекты могут быть ориентированы на приоритетные национальные задачи, связанные, в частности, со спецификой природных условий.

Имея высокую ценность для страны, такие проекты могут иметь, а могут и не иметь международное значение. По мнению авторов проекта Стратегии для всех таких исследовательских проектов необходимо ввести запретительные меры. Соответственно, они будут утрачены для страны и науки.

Кроме того, причиной отсутствия или незначительного числа работ заявителя в международных журналах во многих случаях является не низкое качество его исследований или недостаточный научный потенциал, а языковой барьер. Ведь авторы проекта не предлагают бесплатно обучать всех ученых за границей два года, как они намереваются сделать это нормой для категории специалистов в области государственного управления (см. раздел «Внедрение инноваций в системе государственного управления» проекта Стратегии, с. 67–68).

В настоящее время фонды РФФИ и РГНФ функционируют согласно международным нормам. Их работа не является «болевым точкой», поэтому в отношении этих фондов авторы проекта Стратегии пытаются решать несуществующую проблему. Более того, внедрение в российскую практику предложения рассматривать «прошлые заслуги» как единственный критерий доступа к финансированию научных проектов способно привести к самым разрушительным последствиям.

Несколько аспектов по проблеме Стратегии-2020

Б. А. Виноградов,
*действительный государственный советник РФ II класса,
доктор технических наук, профессор кафедры лазерных технологий
МГТУ им. Н.Э. Баумана, заслуженный деятель науки России*

Первый. Стратегия инновационного развития-2020 является элементом Концепции-2020. Поэтому логично до ее обсуждения получить ответ на вопрос: «Что делать с Концепцией, принятой в 2008 г.?» В мире тогда уже начался жесткий экономический кризис, а у нас в стране все было хорошо в соответствии с Концепцией. В ней были прописаны инновационный и инерционный сценарии, а о развитии страны в условиях кризиса не было и речи. Хотелось бы получить ответ на вопрос: с чем это было связано? С безграмотностью и самоуверенностью разработчиков, отработкой политического заказа «Россия — тихая гавань», или тем и другим? В любом случае, профессионал, в силу своей ответственности, никогда не позволит себе так сделать работу. А в том, что это работа низкого уровня у меня сомнения нет. Возьмем два показателя: повышение доли высокотехнологичного сектора в ВВП (от 0,9 до 17–20%) и увеличение доли инновационно активных предприятий (с 9,4 до 40–50%). Достижение таких показателей с учетом возрастания объема ВВП за этот период даже при 15%-м ежегодном росте производительности труда научных работников потребуют их дополнительной численности. С учетом катастрофической возрастной динамики в ведущих вузах, институтах РАН, ГИЦ, ОКБ и НПО оценочно потребность в них составит около 800 тыс. чел. Нигде в Концепции нет ни слова о путях решения кадровой проблемы, кроме заклиний на тему исследовательских университетов.

Второй. «Сильное» впечатление производит материал Стратегии об учебе чиновников за рубежом и требования знания ими иностранных языков. Фактически речь идет об англофикации государственных органов как инновационном пути развития России!? Он привел меня к мысли о необходимости подготовки **инновационного** проекта Федерального закона «О защите и развитии русского языка». Когда проект будет готов, обязуюсь прислать в журнал «Инновации» для публикации и обсуждения. Почему я решил поработать над проектом? Во-первых, в российском обиходе уже закрепилась ненормативная или полунормативная лексика, чему порой способствуют представители высшей власти, странным способом демонстрируя свою «близость» к народу. Становясь языком общения, «русский» мат превращает людей в толпу, разрушает не только культуру общения, происходит деградация личности, а в итоге и страны. Во-вторых, налицо все более активное использование иностранных слов и терминов вместо замены их русскими аналогами. В-третьих, нагнетаемая в стране «англизычность», в том числе, среди детей элиты и чиновников в качестве условия их «успешности» может привести к тому, что русский язык сделают «простонародным» языком. В России были подобные периоды «французскоязычности» власти и элиты, известно, чем они завершились.

Третий. Недавно по ТВ показали фрагмент встречи председателя правительства с экспертами по поводу корректировки «Концепции-2020» и обсуждение вопроса. Премьер в отличие от экспертов не поддержал «оптимизацию бюджетных расходов». Видимо понимает, что власть сильно рискует, выбивая последние социальные опоры, поддерживающие ее собственное существование и страну. Для доработки Концепции создана 21 рабочая группа. Во мне укрепляется мысль о том, что ничего хорошего не получится ни с Концепцией, ни со Стратегией. Много можно написать неработающих стратегий и концепций, да их уже немало принято по любому поводу. Ведь многие представители власти и ее окружение — весьма образованные люди, они напишут сочинение на заданную тему «об инновационных и инерционных сценариях». Не покидает меня чувство какой-то легковесной имитации инновационных дел. Приведу пример. Ваш журнал не так давно опубликовал статью о внедрении нанотехнологий в Германии. В ней было четко показано, что около семисот компаний работают более двух десятков лет в этой сфере и до сих пор ищут эффект в цепях добавленной стоимости от внедрения. У нас же, еще не успев родиться, компания «Роснано» устами своего главы гарантировала добавку к ВВП в объеме 1 трлн руб. к 2016 г. за счет своей деятельности. И ведь «нарисуют» больше, чем триллион! Реформировали же РАО ЕЭС так, что приходится сейчас восстанавливать энергетику за счет налогоплательщиков. А как много было тогда бодрых инновационных слов...

Реальные проблемы развития России изложены во многих работах, в том числе, частично, в статье Н. Я. Петракова («Инновации», №10, 2010), недавнем интервью Ю. С. Осипова, других публикациях. Поэтому не буду развивать эту тему. Думаю, России сейчас остро требуются не инновационные стратегии, ей нужна кадровая революция. Доценты должны вернуться на кафедры, их время во власти прошло. К управлению страной должны придти опытные люди, умеющие не перекладывать, а брать ответственность на себя. Нужны некоррупцированные руководители, получившие хорошую инженерную и научную подготовку, прошедшие школу ответственного управления крупными предприятиями и регионами. Если же таковых нет в стране, то нас ждут тяжелые времена. Беспокоит меня и то, что реально уже не исполняется незримый социальный договор между властью и обществом. Все более нарастает невероятное социальное расслоение, межрегиональные диспропорции. Бедность массы людей разрывает наше государство на части и разрушает общество. Нарастает волна терроризма и всплески этнического бандитизма. При многословных рассуждениях, легковесном подходе власти к проблемам страны в ней могут быстро наступить «египетские дни и ночи».

«Планов громадь»¹ (полемические заметки)

Г. Х. Лобанов,
к. т. н., член Инновационного Союза РФ,
государственный советник 1 класса (в отставке),
член редакционного совета журнала «Инновации»,
эксперт всероссийской организации «Опора России»

1. Предварительные замечания

Свою оценку я разделяю на две составляющие. В одной оцениваю суть, а в другой форму. В семиотической науке есть такое понятие — «треугольник Фреге» (денотат — концепт — смысл). Он-то и «подсказывает» назвать первую составляющую «оценкой политического концепта», а вторую — «оценкой документа».

1.1. Изложение «политического концепта» Стратегии инновационного развития, предложенной исполнительным органом государственной власти — очень непростая задача (как, впрочем, и оценка полученного результата решения этой задачи).

«Политика»² предполагает поиск общественными легитимными средствами консенсуса путем синтеза (обобщения) множества субъективных точек зрения на одну и ту же объективную реальность. Каждая из субъективных точек зрения (на политику, медицину и др.) дает свою «проекцию» и поэтому каждый из «оценщиков» данного Документа ищет в нем прежде всего те элементы авторской «проекции», которые близки к его собственной точке зрения. Если авторская «проекция» близка «оценщику», то и оценка его склоняется к одобрению даже если изложение «хромает». Если наоборот — то оценка будет критической, вплоть до полного отрицания, даже тогда, когда изложение будет «гениальным».

Я тоже определил собственную позицию и дал ей условное наименование «отрезвляющей». Что я под этим подразумеваю и как она соотносится с авторской, изложено далее (см. 4.5).

1.2. Передача «политического концепта» словами (текстом) — задача не менее сложная. Судя по выступлению заместителя министра Минэкономразвития О. Фомичева, составители (авторы?) Документа это хорошо понимают. Уже после первых обсуждений они увидели и признали некоторые свои недостатки³.

Принимаясь за собственную (конечно же, субъективную) оценку, я попытался представить себе, какая

все-таки задача была поставлена пред авторами. Ведь, как говорится, успех в решении любой задачи наполовину зависит от корректности ее постановки.

Классическое описание поставленной задачи⁴, судя по структуре (см. оглавление Документа), можно представить следующим образом:

<дано:>

- а) ресурсы, предполагаемые (Правительством, Министерством?) к выделению (вначале из внешних по отношению к национальной инновационной системе (НИС) источников и поэтому имеющие точно заданные ограничения⁵, а затем все больше подпитываемых из внутрисистемных источников⁶);
- б) проработанные (в Правительстве? Министерстве?) на основе Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (КДР-2020) «контрольные цифры» (прогнозные значения целевых индикаторов) при трех возможных вариантах «стратегической траектории» 2010–2020 гг.

<Требуется доказать:> — достижение конечной цели в случае успешности достижения «контрольных цифр» по «смешанному варианту» при ограничениях на ресурсы всех видов (включая время).

Алгоритм решения данной задачи включал прогнозные построения по следующей логической цепочке: <выявленные угрозы и вызовы инновационного развития> → <целеполагание Стратегии> → <объявленные цели и их целевые индикаторы> → <ресурсы для достижения целей> → <время и способы (механизмы) затрат ресурсов> → <стоимость продуктов, произведенных в результате затрат (в том числе товары и услуги НИС)> → <эффективность потребления

1 Из поэмы В. В. Маяковского «Хорошо» (1927 г.):

«...Я планов наших люблю громадь,
Размаха шаги саженья.

Я радуюсь маршу, которым идем в работу и в сраженья».

2 «*Politika*» (греч.) — букв. «все, что относится к государству».

3 См. презентацию Документа О. Фомичевым на расширенном заседании Комитета Опоры России по инновационному предпринимательству и интеллектуальной собственности 10 февраля 2011 г. (Москва, Общественная палата РФ).

4 По аналогии со школьным учебником: «дано...»; «требуется найти...».

5 Особенно финансовые ограничения ассигнований, выделяемых из госбюджетных источников.

6 Имеется в виду расширенное воспроизводство инноваций. По мере продвижения от старта к финишу стратегического периода НИС все больше генерирует новые товары, услуги, часть которых можно рассматривать как новые ресурсы из собственных (внутрисистемных) источников знаний, умений, технологий и лучших практик. Их потребление повышает эффективность и качество функционирования конечных бенефициаров — бизнеса, публичной власти, институтов гражданского общества. В итоге НИС переходит в разряд движущих сил социально-экономического прогресса в направлении повышения уровня и качества жизни россиян.

(использования, применения) продуктов конечными бенефициарами» → «возникающие риски».

В результате решения задачи авторы подготовили текст, из прочтения которого представители широкой общественности (в особенности из «целевых групп»⁷) получили «предощущение»⁸ (как минимум) или убежденность (как максимум) в «правильности» (реалистичности) предложенного «политического концепта».

1.3. «Треугольник Фреге» опять «подсказывает», что начать лучше с «оценки Документа»: ведь чем обширней текст, тем априори в нем больше неточностей и ошибок в передаче смысла с помощью слов. А чем их больше, тем труднее восстановить из прочитанного довольно сложный концепт, каким является политика инновационного развития целой страны на предстоящий девятилетний период.

2. «Оценка Документа»

Оцениваемый нами Документ содержит 108 страниц жестко структурированного текста, избыточного канцеляризмами и другими особенностями современного бюрократического языка⁹. Я не придираюсь к словам и выражениям, если они всерьез не исказили смысл, концентрируюсь преимущественно на логике изложения. При этом старался унять «перфекционистский зуд», понимая, что мною оценивается «искусство возможного» как в смысле компактности изложения, так и точности словесной (знаковой) передачи сложных смыслов.

2.1. После прочтения могу резюмировать: авторы (составители) создали неплохой текст. Во всяком случае с его помощью я «восстановил» политический концепт Стратегии и понял, что авторская позиция передается здесь не хуже, чем в документе с изложением КДР-2020. В некоторых разделах даже лучше.

После прочтения первых двух разделов у меня стало складываться предощущение, что после 20-летней «говорильни» с высоких трибун и «рисования стратегических бумаг» наконец-то пришло проникновение в институциональную и процессинговую суть этого сложного динамичного и структурно неоднородного явления, что авторская позиция обеспечивает критический взгляд на причины отсутствия в России нормальных условий (институциональной среды прежде всего) для «зажигания» инноваций и модернизации (технологии, экономики, государства, общества, человека) и что, наконец, авторы соизмерили сложность и масштабность нерешенных проблем с наличными ресурсами, включая время и «низкий старт» в несо-

знанной российским обществом (а не только элитой) остроте сложного клубка этих проблем.

Однако, по мере осмысления текста в разделах «III. Инновационный человек», «IV. Инновационный бизнес», «V. Инновационное государство», «VI. Эффективная наука» это предощущение сильно ослабло, а после «X. Реализация стратегии» вообще испарилось. Это никоим образом не свидетельствует о том, что изложение становилось хуже. Просто авторская позиция прояснялась все четче и когда она прояснилась окончательно, то оказалась отличной от моей собственной.

2.2. Передача смысла местами страдает недосказанностью (например, изложение регионального аспекта Стратегии) или грешит провокационностью (например «контрольные цифры» в разделах III–VI, X), однако для первоначального проекта, предназначенного для «вброса в общественность», это даже хорошо. «Круги», расходящиеся при обсуждении такого текста экспертами с разными профессиональными компетентностями, непременно захватят более широкий спектр стратегических проблем инновационного развития и покажут новые «проекции» (в том числе в необычных для авторов ракурсах). Все это обеспечит в итоге более «стереоскопическое» видение объективной реальности, а, значит, обсуждение данного варианта принесет пользу¹⁰. Например, те же «контрольные цифры» (значения целевых индикаторов) мне (и многим другим экспертам с которыми я общался) показались самонадеянными, тем более что авторы сами сетуют на хроническое невыполнение подобных цифр в предыдущей Стратегии. Но «цифры не бьются» из-за политической ангажированности авторской позиции: ведь необходимо подтвердить «правильность» (корректность, правдоподобность) более общей стратегии, представленной (правда, еще до кризиса) в КДР-2020. Значит, если «цифры не бьются», то, возможно, надо откорректировать КДР-2020 (должны же как-то отличаться докризисная и посткризисная стратегия социально-экономического развития страны)?

2.3. В изложении есть так называемые «смысловые обманы» из-за вольной или невольной подмены понятий, которыми авторы выражают один и тот же смысл. Например, на с. 2 авторы пишут: «*Стратегия призвана ответить на стоящие перед Россией вызовы и угрозы в сфере инновационного развития за счет выстраивания четкой системы целей, приоритетов и инструментов государственной инновационной политики*». (Здесь и далее цитируемый текст выделен Г. Л. — ред.) Данное определение не вызывает возражений (хотя бы в силу своей тривиальности), но в разделе «X. Реализация стратегии» указанная системная совокупность почему-то подменяется системой документов (с. 88): «*Будет выстроена четкая иерархия документов (!) стратегического планирования, определяющих (?) государственную политику в сфере науки и инноваций*». Далее идет описание этой иерархии: главные документы (КДР-2020 и «производная» от нее Стратегия, которую мы рассматриваем), документы второго уровня

7 Целевыми группами, к которым апеллируют авторы в первую очередь, являются малый, средний, крупный бизнес, экспертный корпус (включая сектор образования и сектор науки), органы власти (государственные и МСУ).

8 Разумеется, «предощущение» — это только «внутреннее мерило», которым «оценщик» пользуется все меньше и меньше по мере осмысливания текста.

9 Будем надеяться, что в окончательной редакции текст будет трансформирован и редакционно «ужат», иначе таким Документом просто нельзя будет пользоваться в практической деятельности.

¹⁰ Например, позволит либо доработать Документ, либо начать вторую итерацию его составления, обновив или полностью сменив авторский коллектив.

(государственные программы по развитию образования, сферы исследований и разработок, поддержки инновационной активности в экономике, развития информационного общества, а также государственные программы или подпрограммы госпрограмм, направленные на развитие высокотехнологичных секторов экономики) и документы третьего уровня (региональные стратегии инновационного развития).

Получилось, что документы — это не просто письменная форма изложения «политического концепта», но статус, который они придают концепту («главное, чтобы костюмчик сидел!»).

Последствия «смысловых обманов» не столь безобидны, как может показаться. В случае приведенного примера последствием стало то, что за бортом «иерархической системы документов» остались сами инноваторы, которые если и пишут документы, то их статус для указанной иерархии «ниже плинтуса»: руководствоваться ими никто не собирается (в лучшем случае просто учтут, если, конечно, они не потребуют пересмотра взглядов и не нарушат интересов политических акторов по цепочке вертикали власти).

А ведь именно конкретные личности — Инноваторы — главные субъекты инновационного развития. Многим известна так называемая «американская формула»: если инновация и «зажигается», то только там и тогда, где и когда сойдутся интересы трех одинаково креативных личностей: «генератора» идеи (нового товара, услуги, бизнеса); менеджера, умеющего работать в условиях неопределенности рынка (повышенного риска), и капиталиста (инвестора), который верит первым двум. Как видите, никакого чиновника «формула» не предусматривает (а американские инновации по-прежнему «перекраивают» мир).

На мой взгляд, из-за подобных «смысловых обманов» в Документе не получилось сколько-нибудь вразумительного объяснения «управленческих провалов» — главных причин недостижения почти половины целевых индикаторов, намеченных для реализации в предыдущей Стратегии¹¹. Из текста я понял, что, несмотря на критику, управленческая парадигма остается прежней, поскольку перераспределение зон ответственности между Федеральными органами исполнительной власти (ФОИВ), превращение Минэкономразвития России в суперведомство и надстраивание «надведомственного» этажа в лице Правительственной комиссии и супервизора в лице Президентской комиссии сути не меняют. Скажем, НИС в изложении авторов — это не более чем «модель координации» (главным образом межведомственной

на федеральном уровне), хотя сюда буквально просятся новые управленческие парадигмы, обсуждение которых идет не первый год¹² и о которых авторы (Минэкономразвития? Минобрнауки?) просто не могут не знать и не учитывать.

3. «Оценка политического концепта»

Вернемся к приведенной ранее логической цепочке изложения Стратегии¹³ и разделим ее на три части.

3.1. Первая часть включает два звена: <выявленные угрозы и вызовы инновационного развития> → <целеполагание Стратегии> → <объявленные цели (целевые индикаторы)>. Пожалуй, самым существенным отличием «Инновационной России-2020» от «КДР-2020» можно считать авторскую попытку более честно (или более жестко) представить сложившуюся (текущую) ситуацию (то ли кризис научил, то ли текущий момент «ручного управления» заставил?). Однако, реалистичная оценка ситуации затем потихоньку уходит в тень из-за необходимости жестко стоять на ведомственной позиции: инновационная Стратегия есть производная от «своего» примата (КДР-2020). Отсюда и ограниченность периода (разве 9 лет это стратегический горизонт для политики инновационного развития целой страны?), и бедность выбора вариантов (из трех «а-ля КДР-2020» выбран некий промежуточный гибрид), и всепобеждающий оптимизм «контрольных цифр».

В итоге, сказав «а» реалистическим отбором внешних и внутренних угроз, стратеги Минэкономразвития в «я» попытались уложить фактически цивилизационный масштаб решения по предотвращению (снижению остроты) этих угроз в прокрустово ложе формально-бюрократического подхода к реализации Стратегии. Получилось просто замечательно! Авторы пишут (с. 20): «Цель Стратегии — перевод к 2020 г. экономики России на инновационный путь развития, характеризующийся следующими основными показателями» (далее идут «контрольные цифры», относящиеся к зоне ответственности ФОИВ экономического блока — валовая добавленная стоимость инновационного сектора в ВВП, доля России на мировых рынках высокотехнологичных товаров и услуг, доля предприятий, осуществляющих технологические инновации и т. п.). То есть «картина спасения мира» с авторской позиции выглядит примерно так, как ее описал А. Доде в своем бессмертном бестселлере «Тартарен из Тараскона»: жители Тараскона считали Францией только свой город и его окрестности, все остальное для них было Турцией.

Разумеется, никто не отрицает, что Минэкономразвития и другие ФОИВ в ответе перед правительствен-

¹¹ Сами авторы пишут (с. 11): «...На втором этапе (2008–2010 гг.) выполнения Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 г. средний уровень достижения запланированных показателей составил около 40%, а большинство показателей по-прежнему не достигают даже уровня, предусмотренного инерционным сценарием, по отдельным ключевым показателям сохраняется негативная динамика. В целом, не удалось переломить ряд значимых для инновационного развития тенденций. Не удалось кардинально повысить инновационную активность и эффективность работы компаний, в том числе государственных, создать конкурентную среду, стимулирующую использование инноваций».

¹² Например, постоянным читателям журнала «Инновации» хорошо известна значительная часть из них.

¹³ <Выявленные угрозы и вызовы инновационного развития> → <целеполагание Стратегии> → <объявленные цели (целевые индикаторы)> → <ресурсы для достижения целей> → <время и способы (механизмы) затрат ресурсов> → <стоимость продуктов, произведенных в результате затрат (в том числе товары и услуги НИС)> → <эффективность потребления (использования, применения) продуктов конечными бенефициарами> → <возникающие риски>.

ной комиссией, а все правительство перед президентской комиссией, а все вместе перед представительной властью (парламентом) и перед народом (по Конституции), но это «организационно-ведомственное» обстоятельство никак не должно подменять собой политической сути конечной цели. Представьте — достигнем указанных «контрольных цифр», а качество жизни россиян останется прежним, если не хуже. И кому тогда нужны все эти инновации?

И уж точно достижение конечной цели не должно оцениваться набором «целевых индикаторов», касающихся только зоны ответственности ФОИВ экономического блока, значения которых определяются по данным Росстата (ФОИВ, подведомственный Минэкономразвития).

Я бы вернулся к авторской позиции в оценке вызовов и угроз и выделил для целеполагания Стратегии такие угрозы и вызовы третьего тысячелетия как резко растущий дефицит чистой воды и умирание «легких планеты», падение естественного плодородия почв и сокращение пахотных земель, дошедший до опасной черты рост социально-экономического расслоения стран и регионов мира, глобализация деятельности мировых технологических лидеров, массовые миграции трудоспособного населения.

А в качестве специфически российских угроз в «среде обитания инноваций» можно было бы добавить к упомянутым такие как «обезлюдивание» российской «глубинки» (особенно за Уралом), «тихая эмиграция» из России частных капиталов, а также социально состоявшихся и/или профессионально подготовленных молодых и креативных людей (более миллиона в год), ухудшающий выбор «стейкхолдеров»¹⁴ внутри правящей элиты и, конечно, коррупция как системный фактор всех общественных отношений (не только по поводу инноваций), из-за которой блокируются практически все важные институциональные реформы (точнее, выхолащивается их суть).

3.2. Вторая часть цепочки: → <целевые индикаторы> → <ресурсы для достижения целей> → <время и способы (механизмы) затрат ресурсов>.

На сомнительность расчетов значений целевых индикаторов указывают многие эксперты, участвовавшие в обсуждениях проекта Стратегии. Я к ним присоединяюсь, но хочу подчеркнуть: несмотря на «ведомственную зашоренность» целеполагания, авторы все-таки не потеряли здравого смысла и логично расставили акценты (с. 25): «Прежде всего, это акцент на приоритизации усилий государства (как финансовых, так и организационных) в поддержке отдельных направлений инновационного развития при формировании необходимых общих стимулов к масштабной модернизации и инвестированию в формирование нового качества человеческого капитала, необходимого при реализации как стратегии лидерства, так и стратегии догоняющего развития»¹⁵.

¹⁴ Чиновники, политики, общественные деятели и иные публичные лица, которые формируют общественное отношение к соответствующим проблемам. Стейкхолдеров следует отличать от тех, кто является объектом политических воздействий, но сам при этом не «публичен» (например, рядовые субъекты МСП, занятые инновационным бизнесом).

¹⁵ Авторы называют его «смешанный вариант» Стратегии.

Смысл (как я понял) такой: в результате формирования общих стимулов для инноваторов (очевидно, в форме их законодательного закрепления) и инвестирования из внешних источников начнется масштабная модернизация (прежде всего за счет отдачи инвестиций, вложенных в человеческий капитал) и тогда государство «приоритизирует» свои усилия на поддержке отдельных направлений, где мы еще чего-то можем в мировом контексте.

Соглашаясь с такой логикой, следует признать вслед за авторами и ключевые задачи: наращивание человеческого потенциала; резкое (кратное) повышение инновационной активности существующего бизнеса; повышение «инновационности» государства; формирование устойчивого сектора R&D; повышение открытости НИС в мировые процессы (глобализация).

Указанные ключевые задачи будут решаться поэтапно, но параллельно в течение всех 9 лет стратегического периода и, несмотря на разные стартовые позиции в каждой из указанных областей (от очень низкого старта до более-менее нормального), обеспечат замечательную синергию: «...общий экономический рост и темпы инновационного развития при этом будут все более взаимосвязаны».

В общем, все более-менее логично, но при этом, повторюсь, отпугивает детерминизм сверхоптимистичной стратегической траектории а-ля советский Госплан. Обычно при расчетах «затраты – выпуск» в качестве <дано> фигурируют заданные ресурсы (включая время), а в качестве <требуется найти> результаты, **возможные** к получению при имеющихся ресурсах и освоенных способах их расходования (эффективность) с учетом риска неполучения (недополучения) в силу вероятностной природы еще не наступивших событий.

Здесь же и ресурсы, и будущие результаты (целевые индикаторы) фигурируют как <дано>. То есть «цели наши ясны, задачи поставлены — за работу, товарищи!»

Здесь, на мой взгляд, Чиновник (функционер¹⁶) сам себе присвоил роль «главного стейкхолдера», поскольку считает, что только он, «поставленный партией и правительством», способен не допустить ни провала «нарисованной» в КДР-2020 траектории социально-экономического развития, ни «вытекаемой» из-под нее «подтраектории» инновационного развития.

Я, как и многие, считаю такую «госплановскую» позицию авторов политически неприемлемой, хотя вполне объяснимой¹⁷.

¹⁶ Негосударственные функционеры не имеют большой переговорной силы и выполняют больше декоративную роль в принятии решений чиновниками.

¹⁷ Из беседы участников общественного обсуждения: «Генезис у Документа какой? — Верхний чиновник приказал нижнему развить КДР-2020 в формате «стратегической бумаги», обусловив при этом жесткие рамки целевой функции политики инноваций и госбюджетные ограничения по ресурсам для ее реализации. Нижний чиновник поручение выполнил — «бумагу» составил. У нас здесь богатая историческая традиция (взять хотя бы приснопамятные постановления ЦК КПСС и Совмина СССР). Как говаривал В. Маяковский: «Что нам стоит дом построить — нарисуем, будем жить!» Вот авторы и «нарисовали»..., а про «жить», так-то бабушка надвое сказала».

Если же говорить об ответственности Чиновника, то выдвигать требования к себе любимому должен не он, а Инноватор (главный субъект инновационного развития). Требования с мест по созданию условий и обустройству среды инноваторского обитания должны поступать в координирующий центр, из них должны синтезироваться соответствующие требования к политике и возвращаться на места как эффективный инструментальный ее реализации. То есть Чиновник обслуживает Инноватора, а не наоборот. Тогда ответственность правительства и его органов будет состоять в сопровождении тех инноваторов, кто движется по заданной траектории, и где каждый «сход с траектории» Инноватора будет рассматриваться в том числе и как возможный «управленческий провал» сопровождающего его Чиновника.

Соответственно и система целевых индикаторов, по которой инноваторы будут отслеживать успешность государственного сервиса в процессе реализации инновационной стратегии, получится иной. Например, для оценки качества координации в НИС органов исполнительной власти можно будет приспособить так называемый индикатор GRICS¹⁸.

Получив общественно-прозрачную систему индикаторов и их независимого измерения, можно оперируя значениями индикаторов, так регулировать условия, чтобы не чиновники, а сами «инновационные человеки» из бизнеса, науки, образования обеспечивали желаемую траекторию инновационного развития (пусть и записанной в детерминированной системе координат, если это так уж удобно исполнительной ветви государственной власти¹⁹).

3.3. Третья часть цепочки: *<время и способы (механизмы) затрат ресурсов>* → *<стоимость продуктов, произведенных в результате затрат (в том числе товары и услуги НИС)>* → *<эффективность потребления*

¹⁸ Интегральный показатель качества государственного управления, на основе сопоставления 25 различных показателей эффективности государственного управления, подготавливаемых 18 независимыми организациями, и состоящий из 6 самостоятельных показателей, отражающих основные параметры государственного управления. Используется для сопоставления международных рейтингов стран, рассчитывается Всемирным банком 1 раз в 2 года

Для оценки инновационного развития РФ можно применить такие показатели как: эффективность госуправления (качество государственных услуг, качественные характеристики государственных институтов, компетенцию государственных служащих, уровень доверия к политике, проводимой правительством, и другие; качество государственного регулирования — значение данного индекса связано с оценкой политики, проводимой в сфере государственного регулирования в экономике. С его помощью измеряются такие факторы, как государственное регулирование цен на товары и услуги, неадекватный контроль в финансовой сфере, избыточное регулирование бизнеса и другие.

Согласно концепции ГУ–ВШЭ процентный ранг Российской Федерации по эффективности государственного управления в 2009 г. равнялся 44,9 единицы (из 100 возможных), по качеству государственного регулирования – 35,2 единицы (из 100 возможных).

Целевыми показателями к 2014 г. соответственно предлагаются: по эффективности государственного управления – 50 единиц; по качеству государственного регулирования – 40 единиц.

¹⁹ Впрочем, в динамично меняющихся условиях глобального рынка объявленный детерминизм «контрольных цифр» (при фактической «езде в неизвестное» всего нашего инновационного будущего) я рассматриваю не иначе как «экспесс исполнителя».

(использования, применения) продуктов конечными бенефициарами> → *<возникающие риски>*. Здесь можно сказать очень много, но я ограничусь инновационной экономикой и инновационным бизнесом.

Вначале об инновационной экономике. Оценки авторов Стратегии здесь мне понятны и близки. Продукция, которая создается без достаточных собственных «интеллектуальных» инвестиций («умных денег»), разительно контрастирует с продукцией постиндустриальной экономики. Если в крупнейших компаниях мира (технологических лидерах) рыночная стоимость интеллектуального капитала превышает стоимость материальных активов более чем в четыре раза, то российские «чемпионы рынка» (лидеры сырьевого бизнеса с государственным участием или без него) этим похвастаться никак не могут. Почему? Потому что им это не нужно.

Поясню свою мысль. Если природный капитал измерить в денежном выражении, то в расчете на душу населения Россия окажется мировым лидером. А по объему производимого ВВП на душу населения мы занимаем где-то 57–60 место. Это значит, что, наши «сырьевые чемпионы», получают от природного капитала столь высокую ренту, которую остальные страны и фирмы могут получить только в результате весьма сложной и напряженной деятельности (капитализация интеллектуальных ресурсов).

Учитывая это, авторами среди прочего предложен внерыночный «правительственный кнут» — принуждение крупного российского бизнеса к инновационному поведению. Мне он кажется тактической мерой, но никак не стратегией. А вот стратегического рыночного «пряника», принципиально нового и многократно более эффективного по сравнению с предложенными в прежней Стратегии, я что-то не обнаружил. Отсюда мое недоверие к административным возможностям расширенного воспроизводства инноваций. Достичь «контрольных цифр» надо не насилуя, а используя рынок. «Критическая масса» творческих личностей, образуемых ими компаний (и далее — их территориальных, отраслевых, функциональных, институциональных объединений, кластеров, платформ и т. п.) должна самовоспроизводиться естественным путем, который открывается только при определенном уровне развития справедливой рыночной конкуренции. Авторы это понимают не хуже меня, но вот меры ограничиваются общими и достаточно тривиальными, учитывая то, как они работали в реализации прежней Стратегии. Наш рынок, однако, специфичен (см. таблицу) и поэтому в Стратегии следовало бы более дифференцированно показать меры по созданию рыночных условий инновационного развития.

Безусловно, прогрессивные подвиги принесут внерыночные меры по «зажиганию» инноваций (особые экономические зоны + Сколково и др., искусственное разведение малого инновационного бизнеса (МИБ) в «садках» при вузах и НИИ по 217-ФЗ + последние добавления в статью 5 ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике и в ст. 171 ФЗ «О защите конкуренции»). Но что будет, когда из «оазисов» и «садков» МИБ выпустят в «естественную среду» нашего рынка? Смогут ли добравшиеся до первых успехов бизнес-единицы МИБ «запустить» инноваци-

Общемировые	Особенности России
Активизация рыночного спроса на новые товары и услуги (расширение масштабов и ускорение циклов обновления)	Удовлетворение текущего спроса в новых товарах и услугах происходит в основном за счет их прямого импорта, либо путем открытия лицензионного производства на российской территории
Адекватный активизированному рыночному спросу рост сетей продвижения новых товаров и услуг к потребителям, сегментация рынка, создание новых потребительских ниш, которые инициируют рыночный спрос на знания – умения – навыки – технологии (ЗУНТ)	Правила развития сетей определяются национальным законодательством, но рыночное наполнение сетей осуществляется преимущественно зарубежными изготовителями или (по «лицензированной кальке») интегрированными в их структуры (глобальные сети) отечественными исполнителями (изготовителями, поставщиками)
Интенсивный (обгоняющий) рост «генерации ЗУНТ» (как правило, сфера прикладных R&D) и сетей трансфера (диффузии) ЗУНТ	Национальная сеть трансфера ЗУНТ не в состоянии конкурировать с интегрированными (международными) инновационными сетями мировых лидеров (фирм) и поэтому с переменным успехом пытается либо занять узкий сектор импортозамещения, либо интегрироваться в международную кооперацию поставщиков ЗУНТ для отдельных узлов глобальных инновационных сетей. Таким образом, активизация национальной сети определяется не столько активностью отечественных «генераторов ЗУНТ» в государственном секторе НИОКР, сколько потребностями и возможностями импортеров ЗУНТ гармонизировать (адаптировать) свои стандарты комфортного потребления ЗУНТ к структуре российского внутреннего рынка (с учетом пропорций распределения доходов на накопление и потребление, а также специфических особенностей российской инновационной культуры конечных потребителей)
Сфера академической науки и профессионального образования, создающие потенциал для генерации ЗУНТ, в масштабах, постоянно превосходящих масштабы ее текущей генерации	Академическая наука сократилась как сектор, но в целом сохранила возможность к интернационализации и включению в глобальные сети получения и распространения фундаментальных знаний о природе и обществе. Высшее и среднее профессиональное образование отстает в образовательных инновациях и поэтому не составляет в нужном количестве и ассортименте на рынок труда кадры, способные к роли «генераторов ЗУНТ» с необходимой инновационной активностью и обладающие современной профессиональной компетентностью

онный механизм расширенного воспроизводства, где рыночные премии первопроходцев интенсифицируют активность других инвесторов, а возрастание удачных реализаций инвестиций ускоряет и расширяет новые предложения инвестиций, вследствие чего развивается спрос на создание новых ЗУНТ, который, в свою очередь, расширяет и интенсифицирует их генерацию...

«Зачинщиков» такого рыночного механизма инноваций я и называю «инноваторами», а предложенное в Стратегии «внерыночное искусство» их «разведения» считаю необходимым, но далеко недостаточным условием создания естественных рыночных стимулов к ускорению циклов расширенного воспроизводства ЗУНТ.

Отсюда еще одна сентенция — МИБ должен под держиваться государством на других принципах, нежели сегодня. Его основным (а на старте, единственным) конкурентным преимуществом является «быстрота» бизнес-применения ЗУНТ, а именно быстрота и нужна сегодня для успеха реализации Стратегии (хотя бы в стартовом периоде).

Материальные активы МИБ ничтожны и это не дает ему серьезных самостоятельных шансов на успех в «войне капиталов» за раздел рынков и проводимую рыночную политику. Но остаются несамостоятельные шансы — приспособление к более крупным рыночным игрокам и интеграция в их стратегию и тактику. И это тоже надо использовать как часть Стратегии. Логика здесь следующая.

Средние и крупные рыночные игроки кровно заинтересованы в МИБ как акулы в маленьких «рыбках-лоцманах», которые, двигаясь впереди них, показывают возможные выгоды или предупреждают об опасностях предложения на рынок того или иного нового товара (услуги). Но это не за рубежом. У нас на

рынке МИБа нет в «товарном» количестве и качестве, поэтому реинжиниринг крупных и средних бизнес-структур будет по-прежнему отставать от зарубежных как по масштабам, так по темпам и эффективности конкурентного результата. Поэтому прежде чем выпускать МИБ-«мальков», выращенных в государственных «садках» на деньги налогоплательщиков стратегически важнее вырастить на отечественном рынке справедливую конкуренцию.

4. Вместо заключения

4.1. Изложенное в Документе видение (Министерством? Правительством?) желаемого уровня и темпов инновационного развития страны входит в состав политического инструментария, где кроме представленной Стратегии и инструментария ее реализации (упомянутых в Документе программ и механизмов) должны представляться концепции или видение легитимных правил, по которым все участники реализации Стратегии будут действовать. Правила закрепляются в форме нормативных правовых актов, начиная с законов, издаваемых законодательной ветвью государственной власти. Авторам Стратегии не стоит об этом забывать, а поэтому в Документе должен появиться дополнительно «правовой раздел».

На мой взгляд, в нем обязательно должны присутствовать три тезиса.

Первый — нужные институциональные преобразования в интересах активизации инновационной деятельности оказываются трудно разрешимыми, если действующее «правое поле» не структурировано под новые задачи.

В приложении я позволил себе предложить на обсуждение примерную структуру такого правового

поля (из разных отраслей права) с упором на раскрытие правил для МСП.

Второй — новые законодательные правила должны «кластеризоваться» преимущественно в «оболочках» действующих кодексов. Каждый из них должен своевременно пополняться нормами в интересах инновационного развития. При этом необходимо учитывать, что обычно правовые нормы оформляют (регламентируют) проверенные общественной практикой правила, но в России собственной и прогрессивной практики инновационного развития крайне недостаточно. Субъектам законодательных инициатив приходится анализировать лучшую зарубежную практику и осторожно адаптировать только ту, которая, с одной стороны, не ломает конструкцию правового поля действующего российского законодательства, а с другой, позволяет заменять устаревшие правила на новые, модернизировать российские законы и гармонизировать их в рамках соответствующих отраслей права.

Третий — инерционность законотворческого процесса объективно снижает темп реализации Стратегии и это надо учесть при определении сроков достижения «контрольных цифр».

4.2. Позиция для целеполагания Стратегии, полагаю, должна быть выбрана существенно выше предложенной. Корректная постановка обеспечиваются только с «наднациональной» высоты выявленных мировым сообществом вызовов и угроз (существованию жизни и качеству жизни, темпам и способам цивилизационного и экономического развития) и вписания в данный контекст национальных особенностей проявления этих вызовов и угроз в перспективе не менее 30–40 лет.

4.3. Естественная активность инноваторов рождается не только как реакция на реальное качество и эффективность национальной политики — инноватор ведь может просто сменить государство (что за последние 20 лет доказала и продолжает успешно доказывать Россия). Да и при комфортных условиях в НИС инновации «зажигаются» далеко не всегда там, где им полагается по «документам» (спускаемым сверху вниз по бюрократической иерархии). Вопреки документам получается не реже (а по-моему, даже чаще), если говорить о реальных инновациях и инноваторах, а не имитируемых чиновным людом для отчетности и очередного проливания на их головы золотого дождя с бюджетных небес.

4.4. МИБ надо уделить гораздо больше внимания. Стратегия должна показать коридор возможностей для малых предпринимателей «новой волны». Для этого в Документе целесообразен специальный подраздел «Малый инновационный бизнес», где должно излагаться, как решаются две стратегические задачи:

- создать в секторе МСП «новую волну» МИБ (не только при вузах);
- снизить бизнес-риски стартапов МИБ (особенно при прохождении ими «долины смерти»).

Коридор возможностей образуется между двумя сторонами ограничений. С одной стороны, начать свой бизнес людям (особенно молодым) становится все дороже и трудней из-за ускорившегося роста «цены входного билета» на соответствующий рынок и усложнения правил ведения инновационного бизнеса

на нем (техническое регулирование, стандартизация, таможенные правила, тарифы на товары и услуги естественных монополий и т. п.).

С другой стороны, государственный сервис, который публично декларирует создание комфортных условий для малого и среднего предпринимательства (МСП) в целом, может стать и некомфортным для «новой волны» МИБ в частности. Чем меньше напор желающих начать свой МИБ (особенно в технологически сложной сфере деятельности), тем комфортней должны быть услуги госсервиса для отважившихся и достойных²⁰.

4.5. В самом начале своих полемических заметок я назвал «отрезвляющей» собственную позицию, выбранную для оценки предложенного проекта Стратегии. Теперь в конце своих заметок попытаюсь объяснить почему.

Про проекты, излагающие инновационную политику, стратегии, концепции знаю не понаслышке с 1986 г.

Каюсь, состоял (в частности, в «стейкхолдерской» должности в тогдашнем Минпромнауки).

Каюсь, участвовал (например, в написании соответствующих документов, начиная от концепции ФЗ о науке и государственной научно-технической политике и до проекта модельного закона по инновационной деятельности для СНГ).

Знаю, как чутко ФОИВ реагируют на озабоченность высшего руководства страны (попытки модернизации на путях инновационного развития терпят крах уже в течение полутора десятков лет).

Наконец, понимаю в силу накопленной профессиональной компетентности, что один из уже «выученных» уроков кризиса состоит в том, что посткризисное развитие России требует серьезных институциональных²¹ трансформаций, для успешного (и управляемого) проведения которых нужна новая управленческая парадигма²².

Согласитесь, немало, чтобы «отрезвить» некоторых политических акторов, повторяющих с опьянением неопитов уже не раз совершенную в прошлом ошибку: «Что нам стоит дом построить? Нарисуем — будем жить!».

²⁰ Вопреки ожиданиям, российская молодежь (особенно студенчество) не стремится к ранней предпринимательской деятельности, предпочитая в начале профессиональной карьеры менее рискованную карьеру (работа по найму в госструктурах, в крупных, желательных иностранных компаниях). По сравнению с Европой, другими странами БРИК и даже Казахстаном россияне идут в МП мало и вынужденно (скорее, в силу материальных затруднений из-за жизненных обстоятельств, а не в силу стремления самореализоваться в качестве антрепренера некоторой бизнес-идеи).

²¹ «Институт» (термин) я трактую как устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, которыми пользуются как конкретные люди, так и их сообщества и общество в целом, причем базовые отношения не зависят от воли и отдельно взятых действий конкретных «стейкхолдеров». Здесь «работает» только общность, возникающая исторически и логически как «триединство» (экономика, политика, идеология).

²² Сегодня это признается практически всеми. Судя по сообщениям прессы, высшие должностные лица страны уже заявили об этом недвусмысленно и публично. Вслед за научно-экспертным сообществом, вовлеченным в форсайт-проекты различного масштаба и назначения, поиски новой парадигмы управления проходят в острых дискуссиях на разных площадках, в том числе далеко за пределами «ведомственных границ» Минэкономразвития России.

Примерная структура правового комплекса участников НИС

1. Национальная инновационная система (НИС):

1.1. Признаки, критерии и/или нормативы отнесения физических и юридических лиц разных организационно-правовых форм к категории участника коллективной деятельности внутри НИС («мягкая» родо-видовая типизация данной категории с выделением инновационных МСП в качестве отдельного рода или группы видов);

1.2. Правила построения общероссийских систем участников НИС для:

- государственного и независимого наблюдения (мониторинга),
- государственного статистического и управленческого (отраслевого) учета,
- прогнозирования и планирования (бюджетирования, программирования) ресурсов и результатов.

2. Малые и средние предприятия (МСП):

2.1. Правила построения локальных (территориальных) классификаторов инновационных МСП для:

- независимого мониторинга на уровне различных территориальных образований (экономико-географических зон, федеральных округов, административных территорий: субъектов РФ, городов и городских агломераций, территориальных муниципальных образований и т.п.);
- официального (государственного) статистического учета на региональном и муниципальном уровнях;
- прогнозирования и территориального планирования (бюджетирования, программирования) ресурсов и результатов органами власти субъектов РФ и муниципальных образований.

3. Основные положения государственной инновационной политики:

3.1. Принципы участия государства в развитии НИС и их закрепление в специальном законодательстве (антимонопольном, бюджетном, налоговом, корпоративном и пр.);

3.1.1. Критерии и правила введения специальных правовых режимов для МСП, имеющих статус «инновационных»;

3.1.2. Дополнительные критерии и правила надделения «инновационным статусом» участников государственных программ на время, определяемое конкретной государственной программой, по номинациям:

- бенефициара (выгодоприобретателя);
- субъекта инновационной инфраструктуры (включая нормативы и требования для получения статуса бенефициара в данной государственной программе);
- инвестора (включая нормативы и требования к «бизнес-ангелам», венчурным капиталистам и иным частным инвесторам для получения статуса

бенефициара в данной государственной программе);

- подрядчика (субподрядчика, суб-субподрядчика и т.п.), выполняющего по государственным контрактам разработку технических заданий, проектирование государственных инновационных программ, инновационных программных мероприятий, инновационных проектов (включая нормативы и требования для получения статуса бенефициара в данной государственной программе);

3.2. Особенности правового регулирования коллективной деятельности участников НИС:

3.2.1. При институализации частно-государственного партнерства (для определяемых количественно балансов соотношений государственного регулирования и общественного саморегулирования, обязательного лицензирования и добровольного страхования ответственности, обязательной и добровольной сертификации качества, пропорций в смешанном финансировании инвестиций и стимулировании частных инвестиций);

3.2.2. В случае, когда в рамках одной государственной программы или структурно-сложного проекта осуществляется коллективная инновационная деятельность значительного числа участников (норматив устанавливается для каждой программы) не менее двух из указанных категорий:

- МСП любой организационно-правовой формы;
- «генераторы ЗУНТ» (лаборатории и центры прикладных НИОКР любой организационно-правовой формы),
- корпорации, банки, финансово-промышленные группы (с участием и без участия государства);
- гарантийные и залоговые фонды, венчурные ПИФ, инновационные бизнес-инкубаторы и технопарки (технично-внедренческие зоны), центры трансфера ЗУНТ, другие некоммерческие организации оказывающих информационно-коммуникационные, инновационно-образовательные, юридические, иные услуги (объединяются понятием субъектов специализированной инновационной инфраструктуры);
- иные субъекты в случае надления их «инновационным статусом».

3.3. Требования к общесистемной взаимоувязке и гармонизации в рамках НИС всего поля государственных программ и проектов (институциональных, инфраструктурных, отраслевых, территориальных);

3.4. Распределение властных полномочий при создании и развитии инновационных территориальных образований;

3.5. Государственное стимулирование вхождения инновационных МСП в международные альянсы и в глобальный инновационный рынок:

3.5.1. Государственная поддержка экспорта и регулирование импорта инновационных ЗУНТ в разных «товарных упаковках»;

3.5.2. Ускоренное вовлечение инновационных МСП в международный аутсорсинг.